

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

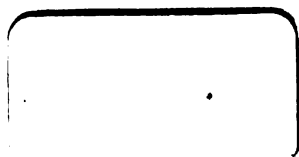
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

О смерти царевича Дмитрія. (Окончаніе). . . Е. А. Вилова.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго
судопроизводства въ исторіи русскаго
права. (Продолженіе). . . . . К. Г. Стефановскаго.

Осада Очакова въ 1788 году. . . . . А. Г. Бриенера.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Laut und Formenlehre der Polabischen Sprache von
August Schleicher. (Фонологія и морфологія по-
лабскаго языка *Аугуста Шлейхера*). S.-Peters-
bourg, 1871. 8°; стр. XIX и 353 . . . . . И. А. Бодуенъ-де-Куртенэ.

Онежскія былинны, записанныя Александромъ Федо-
ровичемъ *Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871 года. Съ
двумя портретами Онежскихъ раисодовъ и на-
пѣвами былинъ. С.-Пб. 1873. . . . . Л. Н. Майкова.

О значеніи классическаго образованія. . . . Н. Мануйловича.

Французскія гимназіи. (Статья д-ра Э. Штрё-
лина. Переводъ съ нѣмецкаго).

Современная лѣтопись.

(См. на 3-й стр. обѣрки).

ОСАДА ОЧАКОВА ВЪ 1788 ГОДУ.

Причиною второй турецкой войны при императрицѣ Екатеринѣ II (1787—1791) слѣдуетъ считать желаніе Россіи приступить наконецъ къ осуществленію Греческаго проекта. Для этой цѣли былъ заключенъ договоръ съ Австріей въ 1781 году, для этого же Потемкинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ старался привести въ надлежащее состояніе войско и флотъ въ южной Россіи, построилъ Херсонъ и укрѣпилъ Севастопольскую гавань. Путешествіе Екатерины въ 1787 году имѣло цѣлю, можно сказать, осмотрѣть результаты многолѣтнихъ приготовленій къ войнѣ и подвергнуть контролю образъ дѣйствій Потемкина. Екатерина нашла, что силы и средства, которыми располагала Россія на югѣ, были вполне достаточны для предстоящей войны съ Турціей. Она считала эту войну неизбежною, спутники же Екатерины—императоръ Іосифъ II, принцъ де-Линь, графъ Сегюръ—были даже убѣждены, что она ея желала.

При всемъ томъ не Россія, а Турція, начала войну. Нельзя было поэтому обвинять насъ въ нарушеніи мира. Исходомъ войны было присоединеніе Очаковской степи къ Россіи, а важнѣйшимъ ея событіемъ—взятіе крѣпости Очакова. Для достиженія этой цѣли, обеспечивавшей дальнѣйшее развитіе Херсона и для огражденія отъ опасности черноморскаго флота было употреблено много средствъ. Побѣда обошлась Россіи дорого. Только послѣ весьма продолжительныхъ и напряженныхъ усилій, сдалась крѣпость, которая, по мнѣнію Турокъ, считалась непреодолимымъ оплотомъ противъ дальнѣйшаго расширенія русскихъ границъ и должна была облегчить имъ возвращеніе утраченнаго ими Крымскаго полуострова.

Событія Очаковской осады находятся въ тѣсной связи со всѣми другими военными дѣйствіями. Одновременно происходили эти дѣйствія и на морѣ, и на сушѣ. Австрійскіе и русскіе полководцы внимательно слѣдили другъ за другомъ. Успѣшныя дѣйствія Австрій-

цевъ нѣкоторымъ образомъ обуславливались успѣшными дѣйствіями Русскихъ, и на оборотъ. Тѣмъ не менѣе, въ предлагаемомъ нами очеркѣ мы будемъ говорить о прочихъ военныхъ событіяхъ лишь на столько, на сколько это необходимо для приведенія въ болѣеую ясность событій, повлекшихъ за собою паденіе Очакова.

Изъ очерка нашего легко усмотрѣть, что средства Потемкина во время войны оказывались вообще недостаточными, и что онъ долженъ былъ постоянно бороться съ большими затрудненіями. Медленность и незначительность его успѣховъ въ первый годъ борьбы объясняли тѣмъ, что свѣтлѣйшій князь, не смотря на громадныя суммы, истраченныя имъ на приведеніе въ надлежащее состояніе военныхъ силъ Россіи, не вполне былъ приготовленъ къ войнѣ. Одержанныя успѣхи не соотвѣтствовали внѣшнему блеску арміи и флота, чрезвычайно понравившихся императрицѣ. Потемкина обвиняли въ небрежности, безпечности, даже въ трусости, а его неумѣнію вести дѣло приписывали медленный ходъ осады Очакова.

Начало войны.

Открытіе военныхъ дѣйствій. — Нападеніе Турокъ на Кинбурнъ. — Буря. — Отчаяніе Потемкина.

Въ началѣ іюля 1787 года императрица вернулась въ С.-Петербургъ. Она не ожидала скорого разрыва съ Турціей; однако, 2/3-го августа 1787 года Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, а около 30-го августа объ этомъ узнали въ С.-Петербургѣ.

Немедленно затѣмъ открылись военныя дѣйствія.

Князь Потемкинъ, разставшійся съ императрицею въ Харьковѣ, вернулся въ свое намѣстничество и въ Кременчугѣ узналъ объ объявленіи войны диваномъ. Онъ назначилъ генерала Текелія главнокомандующимъ на Кубани и принялъ мѣры для отраженія ожидаемаго имъ нападенія Турокъ на Кинбурнскую крѣпость ¹⁾. Дѣйствія генерала Текелія на Кавказѣ не представляли ничего особеннаго. Тамъ и въ мирное время постоянно происходили столкновенія между союзниками Турціи и русскими войсками: Лезгинцы уводили скотъ и плѣнныхъ, Русскіе жгли деревни кавказскихъ жителей; и послѣ объ-

¹⁾ См. біографію Потемкина, сост. Самойловымъ въ *Русскомъ Архивѣ*, 1867 г., ст. 1238.

явленія войны Турціей Текеллій сжегъ множество деревень на Кавказѣ¹⁾. Во всемъ этомъ не было ничего важнаго.

За то на морѣ тотчасъ же послѣ объявленія войны произошла встрѣча русскихъ и турецкихъ кораблей²⁾, а именно по слѣдующему случаю.

19-го августа Суворовъ еще не зналъ объ объявленіи войны, но пріѣхавъ въ Кинбурнъ, тотчасъ приступилъ къ фортификаціоннымъ работамъ. Въ это время одному изъ русскихъ офицеровъ, находившемуся въ Очаковѣ, тамошній паша объявилъ, что русскіе корабли будутъ въ тотъ же день атакованы, и выѣстъ съ тѣмъ, велѣлъ выпроводить этого офицера изъ крѣпости и далъ ему проводниковъ, чтобы защитить его отъ ярости Турокъ. Офицеръ пріѣхалъ въ русскій лагерь и сообщилъ Суворову о случившемся; но было уже поздно принимать мѣры для спасенія кораблей³⁾.

Русскій брандвахтный корабль *Скорый* и боть *Битогъ*, находившіеся 10-го августа въ Кинбурнскомъ заливѣ для препровожденія въ Севастополь двухъ вновь построенныхъ судовъ, были атакованы нѣсколькими турецкими судами. Успѣшно обороняясь въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, они отступили, потерявъ нѣсколько человекъ и потерпѣвъ нѣкоторыя поврежденія. Хотя это дѣло и кончилось отступленіемъ русскихъ судовъ къ Глубокой Пристани, тѣмъ не менѣе Потемкинъ въ довольно хвалебномъ тогѣ извѣщалъ о немъ императрицу⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, ст. 1243.

²⁾ Въ матеріалахъ, которыми мы располагали, мы два раза встрѣтили показанія о военныхъ демонстраціяхъ, происходившихъ будто еще во время пребыванія императрицы въ Крыму. Авторъ сочиненія «Geschichte des oesterreichisch-türkischen und russischen Krieges 1787—1792. Leipzig. 1792», стр. 3, разказываетъ, что именно тогда вспыхнула ссора между русскою и турецкою observationalными эскадрами, встрѣтившимися недалеко отъ устья Дуная. Русскій командиръ, графъ Войновичъ, располагавшій бдльшими силами, далъ будто бы знать начальнику турецкой эскадры, что Турки не имѣютъ права въ мирное время плавать по Черному морю, находящемуся будто подъ владычествомъ Россіи, и совѣтовалъ имъ немедленно удалиться; но разказъ этотъ сомнителенъ. Едва ли русскіе начальники могли утверждать, что Черное море находилось подъ владычествомъ Россіи въ то время, когда Очаковъ еще не былъ въ рукахъ Турокъ, и сообщеніе Турокъ съ этою крѣпостью происходило преимущественно моремъ. Другая замѣтка о столкновеніи турецкихъ кораблей съ русскими еще до войны встрѣчается въ біографіи Потемкина, соч. *Самойлова*, въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 году, ст. 1237.

³⁾ *Smitt, Suwogow*, I, 283.

⁴⁾ «Сія два малыя суда были атакованы турецкими элотомъ, состоявшими изъ 12 эрегатовъ... По сильномъ съ обѣихъ сторонъ произведеніи безпреры-

Потемкинъ желалъ болѣе серьезной встрѣчи съ Турками на морѣ. Онъ писалъ контръ-адмиралу графу Войновичу: „Подтверждаю вамъ собрать всѣ корабли и фрегаты и стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и мужества вашего и подчиненныхъ вашихъ. Хотя бѣ всѣмъ погибнуть, но должно показать свою неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля. Сіе обявите всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ увидите флотъ турецкій, атакуйте его во что бы ни стало, хотя бѣ всѣмъ пропасть“¹⁾. Однако, на морѣ въ 1787 году никакой встрѣчи съ непріятелемъ не послѣдовало. Турецкій флотъ, явившійся у Очакова, заградилъ выходъ въ Черное море изъ лимана; флотъ же Севастопольскій, какъ увидимъ ниже, сильно пострадалъ отъ бури и не могъ думать о наступленіи²⁾. За то берега Очаковского лимана должны были сдѣлаться театромъ довольно важныхъ военныхъ дѣйствій. Прежде всего нужно упомянуть о нападеніи Турокъ на Кинбурнскую крѣпость.

Въ началѣ войны русскія войска были расположены такимъ образомъ, что графъ Румянцевъ, командовавшій Украинскою арміею, имѣлъ всего не болѣе 32.000 человекъ. Подъ начальствомъ же Потемкина, принявшаго на себя оборону русскихъ границъ и командовавшаго такъ-называемою Екатеринославскою арміею, было всего 78.000 человекъ, но и эта армія, въ началѣ похода, еще была довольно далеко отъ береговъ Чернаго моря. Сначала только Суворовъ съ четырьмя полками пѣхоты, пятью эскадронами конницы и тремя казачьими полками стоялъ у Очаковского лимана. Ему было суждено

наго огня, чрезъ цѣлые шесть часовъ, наши храбрыя души взяли верхъ, очистив сперва дорогу къ свободному шествію и обратя потомъ непріятеля въ бѣгство». См. соч. Колотова о Царствованіи Екатерины II, III, 236—237. Трудно вѣрить, чтобъ одинъ фрегатъ и одинъ ботъ были въ состояніи обратить въ бѣгство 12 фрегатомъ. Замѣтка Сегюра, *Mémoires et souvenirs*, III, 373, объ этомъ событіи написана, очевидно, подъ вліяніемъ оптимизма оціиальныхъ донесеній. Екатерина въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ замѣтила только, что фрегатъ отстрѣливался отъ турецкаго флота и пришелъ на свое мѣсто, три часа храбро обороняясь. См. Записки Храповицкаго, 6-го сентября 1787 г. Разказъ Скаловскаго въ біографіи Ушакова, I, 51, составленъ по оціиальнымъ донесеніямъ.

¹⁾ См. Жизнь Ушакова, соч. Скаловскаго, I, 53. Письмо Потемкина относится вѣроятно, къ послѣднимъ числамъ августа.

²⁾ Самойловъ говоритъ, что турецкій флотъ пришелъ на Очаковскій рейдъ въ сентябрѣ. Это несправедливо, такъ какъ уже 20-го августа происходило дѣло съ русскимъ фрегатомъ. Скаловскій говоритъ, стр. 51, что турецкая эскадра остановилась предъ Очаковымъ 16-го августа.

храброю обороною снасти Кинбурнскую крѣпость, на которую Турки два раза сдѣлали нападѣніе.

Кинбурнъ былъ не достаточно укрѣпленъ ¹⁾, и самъ Потемкинъ, какъ видно изъ писемъ его къ Екатеринѣ, считалъ положеніе его весьма опаснымъ. Въ половинѣ сентября Турки послали до 100 своихъ фелукъ изъ Очакова, и расположивъ ихъ между островомъ Тендрой и Кинбурнскою косою въ узкомъ и мелководномъ мѣстѣ, безпокоили Кинбурнъ бомбардировкой ²⁾. Екатерина, узнавъ объ этомъ, писала Потемкину 24-го сентября: „Что Кинбурнъ осажденъ непріятелемъ и уже тогда четыре сутки выдержалъ канонаду и бомбардировку, я усмотрѣла изъ твоего собственноручнаго письма; дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря непріятна; но положимъ такъ, то для того не унывать, а стараться отмстить и брать реванжъ; имперія останется имперія и безъ Кинбурна, того ли мы брали и потеряли? Всего лучше, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамъ, да и здѣсь не уныли и публика жжетъ въ свою пользу, и города беретъ и морскіе бои и баталіи складываетъ и Царьградъ бомбардируетъ. Я слышу все сіе съ молчаніемъ и у себя на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно и поправлено, если бы гдѣ и вырвалось чего непріятное. Усердіе Александра Васильевича Суворова, которое ты такъ живо описываешь, меня весьма обрадовало; ты знаешь, что ничѣмъ такъ на меня не можно угодить, какъ отдавая справедливость трудамъ, рвенію и способности“ ³⁾.

Изъ этого письма видно, что въ то время, какъ въ Петербургѣ распространены были слухи о необыкновенно успѣшномъ ходѣ военныхъ дѣйствій, о рѣшительномъ наступленіи русскихъ войскъ, князь Потемкинъ совсѣмъ падалъ духомъ и не вѣрилъ даже въ возможность отстоять Кинбурнскую крѣпость.

Кромѣ четырехъ-дневнаго, вѣроятно, не очень серьезнаго, бомбардированія, Кинбурнъ два раза, а именно: 14-го сентября и 1-го октября, подвергался серьезной опасности.

... 14-го сентября Турки, пріѣхавшіе изъ Очакова къ Кинбурнской косѣ, старались отвлечь вниманіе Суворова, показывая видъ, что одновременно въ трехъ мѣстахъ намѣреваются высадиться на берегъ.

¹⁾ *Smitt, Suworow, I, 285.*

²⁾ Самойловъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1867, ст. 1240. Осада и бомбардированіе должны были происходить между 8 и 15 сентября.

³⁾ *Соловьевъ, Паденіе Польши, 173 и 174.*

Русскія войска, какъ должно заключить изъ официальнаго донесенія объ этомъ дѣлѣ, не считали сначала возможнымъ встрѣтить непріятеля на берегу моря и заперлись въ крѣпости. Но вскорѣ затѣмъ они ободрились и принудили Турокъ отступить. При этомъ случаѣ, какъ сказано въ официальномъ донесеніи, многіе Турки утонули, а другіе были изрублены казаками, дѣйствовавшими особено храбро и усгѣпно. По разказу Самойлова, и русская флотилія оказала важныя услуги. Мичманъ Ломбардъ съ необыкновенною смѣлостью началъ на Турокъ со стороны моря, и дѣйствуя за одно съ сухопутными войсками, принудилъ Турокъ къ отступленію ¹⁾.

Въ С.-Петербургѣ извѣстіе объ этомъ событіи произвело благоприятное впечатлѣніе и дѣйствительно, большая выгода такого счастливаго исхода дѣла заключалась въ томъ, что Суворовъ выигралъ время укрѣпить Кинбурнъ съ косы землянымъ валомъ и палисадомъ ²⁾.

Гораздо болѣе серіозный характеръ имѣла стычка 1-го октября. Изъ Очакова прибылъ сильный отрядъ отличной турецкой пѣхоты, въ нѣсколько тысячъ человекъ, и въ томъ числѣ янычары. Между турецкими офицерами находился и французскій инженеръ Лафитъ, столь ревностно содѣйствовавшій къ приготовленію Очакова къ оборонѣ. У Суворова было всего не болѣе 1000 человекъ пѣхоты, 1000 человекъ конницы и 4 полка казаковъ ³⁾.

Суворовъ приказалъ не противиться высадкѣ и далъ время Туркамъ, которыми командовалъ Юсуфъ-паша, сдѣлать нѣсколько ложементовъ. Траншеи ихъ были доведены до самаго замка. Суворовъ запрещалъ своимъ дѣйствовать, пока непріятель не подойдетъ на двѣсти шаговъ, а самъ былъ въ церкви и молился. Въ рѣшительную минуту онъ напалъ на Турокъ со своими войсками. Рѣзня продолжалась девять часовъ; и въ рѣзнѣ этой палъ самъ Юсуфъ-паша; впрочемъ, и положеніе Русскихъ было весьма опасно. Турки безпрестанно получали съ флота новыя подкрѣпленія. Сраженіе сдѣлалось общимъ; обѣ стороны до того перемѣшались, что артиллерія была принуждена

¹⁾ См. объ этомъ, кромѣ официальныхъ донесеній въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ того времени, *Бутурлина* Исторію войнъ съ Турціей, *Колотова*, *Самойлова* въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года, ст. 1240, Исторію Черноморскаго флота въ *Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древн.* IV, 269, соч. *Шлима* о Суворовѣ. I, 285.

²⁾ *Самойловъ*, 1240.

³⁾ Въ официальныхъ донесеніяхъ число десантныхъ турецкихъ войскъ показано 5,000; Самойловъ показываетъ 11.000, см. *Русскій Архивъ* 1867 г., ст. 1243.

остановить свое дѣйствіе. Два раза Русскіе отступали, но на третій они были подкрѣплены резервомъ, и наконецъ, отбросили Турокъ къ берегу. Нѣсколько конныхъ эскадроновъ, стоявшихъ въ тридцати верстахъ отъ Кинбурна, подоспѣли на помощь въ послѣднюю минуту и спасли Кинбурнъ ¹⁾. Турки очутились въ отчаянномъ положеніи. Напрасно дервиши старались ободрить ихъ: они поспѣшно отступали къ морю и искали спасенія даже въ волнахъ, гдѣ погибали во множествѣ. Дѣйствіемъ русской артиллеріи были потоплены два канонерскія турецкія судна и одна шебека; другая была сожжена ²⁾. Лишь немногіе, а именно—отъ 500 до 700 человѣкъ, достигли своихъ судовъ, всѣ жъ остальные, то-есть, болѣе 4.000, были или взяты въ плѣнъ, или убиты, или погибли въ морѣ.

Суворовъ выказалъ въ этомъ сраженіи необычайную храбрость. Онъ находился постоянно на самыхъ опасныхъ пунктахъ, подъ нимъ пала лошадь, и самъ онъ едва не былъ убитъ ³⁾. Не много позднее онъ былъ раненъ картечью въ бокъ, потерялъ много крови, и не было лѣкаря, чтобы перевязать его рану. Казачій старшина Кутейниковъ привелъ его къ морю, вымылъ рану морскою водой и спилъ свой платокъ съ шем, чтобы перевязать имъ рану. Суворовъ сѣлъ на коня и возвратился къ войску. Вторично раненый, а именно пулею въ лѣвую руку, Суворовъ все-таки не оставлялъ поля сраженія.

Суворовъ хвалилъ Турокъ и говорилъ, что такихъ храбрыхъ непрітелей онъ еще не видалъ ⁴⁾. Около часу пополудни началась битва; не ранѣе какъ въ 10 часовъ вечера все утихло. Суворовъ доносилъ: „Я при Кинбурнѣ отнял у Турокъ охоту къ дальнѣйшимъ десантамъ, которыхъ я и самъ не люблю“ ⁵⁾.

¹⁾ У *Вантшиш-Камескаго*, III, 312, говорится о 10 эскадронахъ (эскадронъ въ 120—180 человѣкъ), *Эмелгардтъ* упоминаетъ о 300 человѣкахъ.

²⁾ *Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.* II, 462.

³⁾ Потерявъ лошадь, Суворовъ крикнулъ одному всаднику, чтобы тотъ уступилъ ему свою. Этотъ всадникъ оказался Туркомъ, который бросился на Суворова, но былъ раненъ русскимъ солдатомъ. Турки все были пѣшіе. Вероятно, этому турецкому воину удалось отнять коня у одного изъ казаковъ, *Smitt, Suwogow*, 289.

⁴⁾ *Зап. Од. Общ. Ист. и Др.* II, 762. 7-го октября Суворовъ писалъ къ Попову: «Мнѣ легче, но только слабъ и видно недѣли двѣ на конь не садиться. Посмотри, голубчикъ, на планъ нашу всѣкую баталію. Не понятно силамъ человѣческимъ, какъ къ тому приступить было можно! А отъ варваровъ какая прекрасная операція и какое было прекрасное войско».

⁵⁾ *Smitt, Suwogow*, 292. Нѣсколько позднее, а именно 20-го декабря, Суворовъ писалъ къ дочери о Кинбурнскомъ дѣлѣ слѣдующее: «У насъ все была часть СЛXVIII, отд. 2.

Эта побѣда была важна въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, она должна была произвести хорошее нравственное вліяніе на настроеніе русской арміи ¹⁾; вовторыхъ же, послѣ столь чувствительной потери, можно было ожидать, что Турки будутъ дѣйствовать осторожнѣе и оставить пока дальнѣйшія нападенія на Кинбурнъ. Потемкинъ, въ письмѣ отъ 5-го октября, отъ души благодарилъ Суворова ²⁾, но все еще страшился наступательныхъ дѣйствій со стороны Турокъ и просилъ императрицу дозволить ему употребить, въ случаѣ надобности, одинъ корюсъ Украинской арміи. Вслѣдствіе того Румянцевъ приказалъ генералу Каменскому явиться къ князю ³⁾.

Въ Кинбурнѣ, однако, наступила послѣ этого тишина. Турецкій флотъ оставался въ виду крѣпости еще нѣсколько дней, а затѣмъ отправился къ Константинополю ⁴⁾. Въ память славнаго отраженія непріятеля въ крѣпости была выстроена церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Тамъ до 1855 года стоялъ еще столбъ съ надписью, относящеюся къ этому событію ⁵⁾.

Въ С.-Петербургѣ получено было сначала лишь краткое извѣстіе о побѣдѣ ⁶⁾, а затѣмъ, не ранѣе 15-го октября, пріѣхалъ Бауръ съ подробнымъ донесеніемъ отъ Потемкина ⁷⁾. Императрица съ радостью говорила объ этомъ событіи и хвалила Суворова за то, что онъ не хотѣлъ перевызывать рану до конца сраженія. 17-го октября въ придвор-

драки сидѣла, нежели вы (дочь Суворова воспитывалась въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ) деретесь за волось; а какъ, правду, потанцовали, то я съ балету вышелъ: въ бою пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да ного мною лошади мордочку отстрѣлили, на силу часовъ черезъ носемъ отступили съ театру въ камеру. Я теперь только что поворотился, вытѣдиль близъ 500 веретъ верхомъ въ шесть дней, а не ночью. Какъ же весело на Черномъ морѣ, на Липпандъ. Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички и пр.» *Русскій Архивъ* 1866, ст. 934.

¹⁾ Въ свое время была известна солдатская пѣсня:

Наша Кинбурнска коса
Вскрыла первы чудеса.

Полевой, 122.

²⁾ *Smitt, Suworow, I, 293.*

³⁾ *Записки Эмелярда, 69.*

⁴⁾ *Записки Одесск. Общ. Ист. и Др. IV, 270.*

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ *Ségur, III, 296.*

⁷⁾ *Зап. Храповицкаго, 15-го октября, «Бауръ былъ 1/2 часа у Ея Императорскаго Величества».*

ной церкви и въ Казанскомъ соборѣ былъ благодарственный молебенъ, при чемъ читали реляцію о битвѣ. На другой день, говори за туалетомъ о побѣдѣ, императрица замѣтила: „Александръ Васильевичъ поставилъ насъ на колѣни, но жаль, что его старика ранили“ ¹⁾. Иосифъ II поздравилъ Екатерину съ побѣдой и выразилъ надежду, что Турки скоро пожалѣютъ о томъ, что начали войну; въ отвѣтъ своемъ императрица говорила то же самое и желала, чтобъ Австрійцы скорѣе выступили въ походъ ²⁾.

Битвою при Кинбурнѣ ограничили военныя дѣйствія въ 1787 году. Но съ русскимъ флотомъ въ первой половинѣ сентября случилось приключеніе, сильно подѣйствовавшее на Потемкина и показавшееся ему большимъ несчастіемъ.

Тотчасъ же послѣ полученія извѣстія объ объявленіи войны Турціею были приняты имъ мѣры двинуть въ море новый флотъ. Сначала флотъ этотъ, подъ начальствомъ адмирала Войновича, крейсировалъ нѣкоторое время въ Черномъ морѣ, 15-го августа соединился съ эскадрой Ушакова, 20-го вернулся въ Севастопольскую гавань, а 31-го ушелъ къ берегамъ Дуная ³⁾.

Екатерина ожидала успѣшныхъ дѣйствій на морѣ и писала 11-го сентября къ императору Иосифу: „Я каждый день ожидаю получить извѣстія о флотѣ, который ваше императорское величество видѣли въ Севастополь. Онъ отправился на встрѣчу съ неприятельскимъ флотомъ. Для храбраго экипажа, имѣющаго хорошіе корабли, представляется удобный случай отличиться“ ⁴⁾.

Вышло иначе.

Эскадрѣ было велѣно идти къ Варнѣ и запереть или истребить стоящую тамъ турецкую эскадру. На пути русскіе корабли были застигнуты страшною бурей, продолжавшеюся нѣсколько дней. Они потеряли мачты и потерпѣли страшное поврежденіе: одинъ фрегатъ былъ поглощенъ волнами; другой, „Марія Магдалена“, былъ увлеченъ

¹⁾ Зап. Храновицкаю, 18-го октября. Изъ слѣдующаго обстоятельства видно, что она считала нужнымъ ободрить Потемкина. Она велѣла скорѣе отправить Баура обратно къ князю, который ожидалъ его возвращенія на 13 день послѣ его выезда, «я такъ нетерпѣливъ, что выѣзжаетъ на встрѣчу къ курьерамъ». Зап. Храновицкаю, 17-го октября.

²⁾ Arneth, Joseph II und Katharina von Russland. Wien, 1869, 304, 306. Австрійцы тогда, въ октябрѣ, еще далеко не были въ состояніи сражаться. Ихъ участіе въ войнѣ началось не ранѣе весны 1788 года.

³⁾ «Исторія Черноморскаго флота», въ *Зап. Одесск. Общ.*, IV, 269.

⁴⁾ Arneth, 301.

теченіемъ въ Босфоръ, гдѣ и вынужденъ былъ сдаться Туркамъ¹⁾. Послѣ буря 19-го до 23-го сентября флотъ мало по малу собрался и возвратился къ Севастополю²⁾. Это несчастіе было причиною, что турецкая эскадра могла безпрепятственно явиться на водахъ Очакова.

Въ Европѣ считали положеніе Россіи весьма опаснымъ. Ходили слухи о побѣдахъ, будто бы одержанныхъ Турками, объ истребленіи бурей русскихъ кораблей. Екатерина, какъ дѣлала она нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, сама взялась за перо, чтобы по возможности опровергнуть эти толки. Къ Циммерманну писала она 3-го декабря: „У насъ всѣ проекты уступили мѣсто одному, состоящему въ оборонѣ государства, несправедливо нападаемаго. Странно видѣть подмыловки, употребляемыя противу насъ нашими завистниками; каждый почтовый день они лгутъ, даютъ деньги газетчикамъ и заставляютъ ихъ бить насъ въ газетахъ дважды въ недѣлю, не выходя изъ порядка. То же самое дѣлали и въ прошедшую войну; но происшествія, а особливо миръ, доказали, что таковы лжецы и кого побивали. Если вамъ скажутъ, что Турки взяли Кинбурнъ на островѣ Таманѣ (sic!), что они подступили къ Таганрогу и Азову, что истребили флотъ Севастопольскій,—не вѣрьте ни одному слову. Сей флотъ во время равноденствія потерялъ отъ сильнаго вѣтра и даже лишился одного корабля и одного фрегата; турецкій же флотъ претерпѣлъ больше, нежели вдвое, да и то умѣренно полагаю, но впрочемъ, мы не потеряли земли ни одного вершка“³⁾.

О томъ же событіи Потемкинъ съ отчаяніемъ писалъ Екатеринѣ 24-го сентября: „Матушка государыня, я сталъ несчастливъ; при всѣхъ мѣрахъ возможныхъ, мною предпринимаемыхъ, все идетъ на выворотъ. Флотъ Севастопольскій разбитъ бурей; остатокъ его (sic!) въ Севастополѣ, все малыя и ненадежныя суда, и лучше сказать, не употребительныя⁴⁾; корабли и большіе фрегаты пропали (sic!). Богъ бьетъ, а не Турки“. Немногомъ позднѣе онъ писалъ снова: „Правда матушка, рана сія глубоко вошла въ мое сердце. Сколько я преодолѣвалъ препятствій и труда понесъ въ построеніи флота, ко-

¹⁾ *Самойловъ*, 1239. Подробности о поврежденіи см. въ *Исторія Черноморскаго флота*, 268 и 269. Капитанъ фрегата «Марія Магдалена» былъ отрѣшенъ отъ должности.

²⁾ Тамъ же, 269.

³⁾ Сочиненія *Екатерины*, III, стр. 454.

⁴⁾ Это вполне согласуется съ мнѣніемъ Іосифа II о негодности Севастопольскаго флота.

торый бы чрезъ годъ предписывалъ законы Царьграду! Преждевременное открытіе войны принудило меня предпріять атаковать раздѣльный флотъ турецкій съ тѣмъ можно было; но Богъ не благословидъ, Вы не можете представить, сколь сей нечаянный случай меня почти поразилъ до отчаянія“¹⁾.

II.

Положеніе дѣлъ зимою 1787/88 года.

Бездѣйствіе и уныніе Потемкина. — Медленность приготовленій къ походу и военныхъ дѣйствій.

Потемкинъ находился въ страшномъ душевномъ разстройствѣ, въ лихорадочномъ состояніи. Не даромъ считался онъ главнымъ виновникомъ войны, на немъ лежала теперь вся отвѣтственность; онъ не разчитывалъ на успѣхъ, упалъ духомъ и серьезно помышлялъ о выходѣ въ отставку. Въ публикѣ ожидали наступательныхъ дѣйствій, ожидали осады Бендеръ и Очакова, экспедиціи противъ Константинополя; а между тѣмъ Потемкинъ, одержимый ипохондріей, думалъ даже объ уступкѣ Крымскаго полуострова Туркамъ! Послѣ блистательнаго путешествія Екатерины, послѣ того, какъ князь умѣлъ убѣдить всѣхъ или почти всѣхъ въ томъ, что его административная дѣятельность была въ высшей степени успѣшна и полезна для края, что мѣры, принятія имъ на случай войны, были вполне цѣлесообразны и достаточны,—можно было дѣйствительно удивляться тому, что онъ ограничивался лишь обороною границъ, не предпринималъ ничего рѣшительнаго и предавался бездѣйствію въ Елисаветградѣ. Къ счастью для Потемкина, въ публикѣ никто не зналъ о содержаніи переписки его съ императрицей. Если Екатерина оставляла его на его постѣ, то объяснить это можно только личнымъ ея расположеніемъ къ нему, да отчасти недостаткомъ „горячихъ головъ“, способныхъ людей, на которыхъ столь горько жаловалась она въ бесѣдахъ своихъ съ Храповицкимъ; наконецъ, она могла думать, что Потемкинъ лишь временно упалъ духомъ. Въ это время она постоянно должна была утѣшать его. „Молю Бога“, писала она ему²⁾, „чтобы тебѣ далъ силы и здоровья и унялъ ипохондрію. Какъ ты все дѣлаешь, то и тебѣ покоя нѣтъ; для чего не берешь къ себѣ генерала, который бы имѣлъ мелкій деталль?

¹⁾ См. Соловьевъ, Паденіе Польши, 174—176.

²⁾ Къ сожалеанію, г. Соловьевъ не сообщилъ числа этого письма.

Скажи, кто тебѣ надобенъ. я пришло; на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтобъ одинъ изъ нихъ занялся мелочію, а главнокомандующій тѣмъ не замученъ былъ. Что не проронишь, того я увѣрена; но, во всякомъ случаѣ, не унывай и береги свои силы; Богъ тебѣ поможетъ и не оставитъ и царь тебѣ другъ и покровитель. Проклятое оборонительное состояніе? И я его не люблю. Старайся поскорѣе оборотить въ наступательное: тогда тебѣ да и всѣмъ легче будетъ, и больныхъ тогда будетъ меньше; не всё на одномъ мѣстѣ будутъ“¹⁾.

Однако, ипохондрія Потемкина не проходила, и еще до страшной бури, уничтожившей часть флота, онъ прислалъ просьбу о позволеніи сдать войско Румянцеву, а самому пріѣхать въ Петербургъ. Просьба сильно не поправилась императрицѣ. Она отвѣчала 25-го сентября 1787 года: „Не запрещаю тебѣ пріѣхать сюда, если ты увидишь, что твой пріѣздъ не разстроитъ тобою начатое либо производимое. Приказаніе къ фельдмаршалу Румянцеву для принятія команды, когда ты ему сдашь, посылаю къ тебѣ; вручишь ему оное какъ возможно позже, если послѣдуешь моему мнѣнію и совѣту; съ моей же стороны пребываю, хотя съ печальнымъ духомъ, но со всегдашнимъ моимъ дружескимъ доброжелательствомъ“.

Душевное расстройство Потемкина усилилось послѣ бѣдствія, постигшаго флотъ, и онъ писалъ 24-го сентября 1787 года: „Я при моей болѣзни пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума ни духу. Я просилъ о порученіи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую (sic?): не дайте чрезъ сіе терпѣть дѣламъ. Ей, я почти мертвъ; я всё милости и мнѣніе, которое получилъ отъ щедротъ вашихъ, повергаю стопамъ вашимъ и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу къ графу Петру Александровичу (Румянцеву), чтобъ онъ вступилъ въ начальство, но не имѣя отъ васъ повелѣнія, не чаю, чтобъ онъ принялъ, и такъ Богъ вѣсть, что будетъ. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человѣкомъ; но что я былъ вамъ преданъ, тому свидѣтель Богъ“.

¹⁾ *Соловьевъ*, 175. Множество больныхъ въ лагерѣ Потемкина объясняется недостаткомъ заботливости о нихъ. Особенно сильна была смертность подъ Очаковымъ, какъ мы увидимъ ниже. Ужь Юсуповъ II поразила безпечность въ обращеніи съ солдатами. Что въ 1787 году ходили слухи о печальномъ состояніи войска въ гигиеническомъ отношеніи, видно, между прочимъ, изъ записки въ Запискахъ Храповицкаго, 6-го октября: «Пассекова писала, что Потемкинъ моритъ солдатъ».

До чего доходило отчаяніе Потемкина, видно изъ предложенія его вывести войска изъ Крыма ¹⁾. Екатерина отвѣчала ему 2-го октября: „Конечно, все это не радостно, однако, ничто не пропало. Крайне сожалѣю, что ты въ такомъ крайнемъ состояніи, что хочешь сдать команду; сіе мнѣ болѣе всего печально. Ты упоминаешь о томъ, чтобы вывести войска изъ полуострова; если сіе исполнить, то родится вопросъ: что же будетъ и куда дѣвать флотъ Севастопольскій? Я думаю, что всего бы лучше было, еслибы можно было сдѣлать предпріятіе на Очаковъ, либо на Бендеры, чтобъ оборону оборотить въ наступленіе. Прошу ободриться и подумать, что добрый духъ и неудачу покрыть можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположеній, нежели я сама; но на сей случай я бодрѣ тебя, понеже ты боленъ, а я здорова. Ты нетерпѣливъ какъ пятилѣтнее дитя, тогда какъ дѣла, на тебя возложенныа теперь, требуютъ терпѣнія невозмутимаго“.

Потемкинъ дѣйствительно, кажется, немного оправился духомъ. По крайней мѣрѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ Елисаветграда пріѣхалъ онъ въ Херсонъ для осмотра галернаго флота. При этомъ случаѣ онъ вознамѣрился осмотрѣть Лиманъ и довольно близко подошелъ къ Очаковской крѣпости, такъ что шляпка его находилась въ опасности. До нея долетали турецкія пули ²⁾. Разговаривая, во время своего пребыванія въ Херсонѣ, съ флотскими офицерами о Кинбурнскомъ дѣлѣ, онъ замѣтилъ: „Турки навѣрное въ будущую кампанію прійдутъ въ Лиманъ для отмщенія вамъ за вашу отважность и за причиненныя безпокойства; но я надѣюсь на всѣхъ васъ, что покажете имъ, какова Херсонская гребная флотилія“ ³⁾.

Между тѣмъ Екатерина не переставала твердить о необходимости перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Она писала къ Потемкину 2-го ноября 1787 года: „Понеже Кинбурнская сторона важна, и въ оной покой быть не можетъ, дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятельскихъ, то за неволю подумать нужно о осадѣ сей, буде инако захватить не можно по вашему сужденію“. Потемкинъ отвѣчалъ императрицѣ: „Кому больше на сердцѣ Очаковъ, какъ не мнѣ? Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня всѣ обращаются. Не

¹⁾ *Соловьевъ*, 176. Къ сожалѣнію, это крайне любопытное письмо не сообщено авторомъ.

²⁾ *Самойловъ*, въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., ст. 1568—1567.

³⁾ *Самойловъ*, тамъ же, ст. 1242.

стало бы за доброй волей моей, еслибъ я видѣлъ возможность. Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не можетъ—и къ ней столь много приготовленій! Теперь еще въ Херсонѣ учатъ минеровъ, какъ дѣлать мины, какъ же и прочему. До 100.000 потребно фашиновъ и много надобно габіоновъ. Вамъ известно, что лѣсу нѣтъ по близости. Я уже надѣлалъ въ лѣсахъ монхъ польскихъ, откуда повезутъ къ мѣсту. Очаковъ намъ нужно, конечно, взять и для того должны мы употребить всѣ способы вѣрныя для достиженія сего предмета. Сей городъ не былъ разоренъ въ прошлую войну; въ мирное время Турки укрѣпляли его непрерывно. Вы изволите помнить, что я въ планѣ моемъ наступательномъ, но таковой ихъ тутъ готовности, не полагалъ его брать прежде другихъ мѣстъ, гдѣ они слабѣе. Еслибы слѣдовало мнѣ только жертвовать собою, то будьте увѣрены, что я не замѣшкаюсь минуты, но сохраненіе людей столь драгоцѣнныхъ обязываетъ идти вѣрными шагами и не дѣлать сумнительной попытки, гдѣ можетъ случиться, что потеря въ нѣсколько тысячъ пойдетъ не взявши, и разстроимся такъ, что уменьша старыхъ солдатъ, будемъ слабы на будущую кампанію. Притомъ, не разбивъ непріятеля въ полѣ, какъ приступить къ городамъ? Полевое дѣло съ Турками можно назвать игрушкою, но въ городахъ и мѣстахъ таковыхъ дѣла съ ними кровопролитны^а.

Всѣ эти сомнѣнія и опасенія заставляли Потемкина желать скорѣйшаго по возможности окончанія войны. Екатерина раздѣлала его мнѣніе и писала къ нему 4-го ноября: „Я сама того мнѣнія, что войну сію укротить должно, колико возможно. Совѣтую вамъ на мой собственный счетъ закупить въ Украйнѣ, или гдѣ удобнѣе найдете, тысячъ на сто рублей или болѣе барановъ и быковъ, и оными производить порціи солдатамъ, по стольку разъ въ недѣлю, какъ заблагоразсудите. Буде никакой надежды къ миру чрезъ зиму не будетъ, то какъ ранѣе возможно весной отправить отселѣ флотъ“ и пр.

Съ этой минуты Екатерина, какъ кажется, стала унывать едва-ли не болѣе Потемкина. Такъ, 26-го января 1788 года она писала къ нему: „Дай Боже, чтобъ болѣзни скоро пресѣлились. Дороговизна во всемъ ужасная; дай Боже силу снести всѣ видимыя и невидимыя хлопоты^а. Потемкинъ, въ свою очередь, считалъ нужнымъ ободрять императрицу. Онъ отвѣчалъ ей: „Болѣзни, дороговизны и множество прелятствій заботятъ меня, и къ тому совершенное оскуднѣніе въ хлѣбѣ. Но и въ Петербургѣ, какъ изволите писать, недужныхъ много. Въ семъ случаѣ, что вамъ дѣлать? Терпѣть и неизмѣнно надѣяться на

Бога, Христось вамъ поможетъ. Онъ пошлетъ конецъ напастимъ. Пройдите вашу жизнь, увидите сколько неожиданныхъ отъ Него благъ по несчастіи вамъ приходило. Были обстоятельства, гдѣ способные казались пресѣчены пути — вдругъ выходила удача. Положите на Него всю надежду и вѣрьте, что Онъ непреложенъ. Пусть кто какъ хочетъ думаетъ, а я считаю, что Апостолъ въ ваше восшествіе (на престолъ) припалъ не на удачу: „Вручаю вамъ Фиву, сестру вашу сущу, служительницу церкви, да примите ю о Господѣ достойнѣ святимъ“. Людямъ нельзя испытывать, для чего попускаетъ Богъ скорби; но знать надобно то, что въ такихъ случаяхъ къ Нему должно обращаться. Вы знаете меня, что во мнѣ сіе не суетвѣріе производитъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, время пропадало въ жалобахъ. Война началась въ августѣ; до зимы Потемкинъ могъ бы сдѣлать очень многое, лишь бы приготовления къ походу были окончены. Бездѣйствіе Русскихъ давало Туркамъ возможность сильнѣе укрѣпиться въ Очаковѣ, усилить гарнизонъ, улучшить флотъ. Къ сожалѣнію, у русскаго главнокомандующаго не было опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствій.

Въ лагерѣ Потемкина были люди, умѣвшіе цѣнить по достоинству его образъ дѣйствій и знавшіе подробно о печальномъ положеніи дѣлъ. Къ числу ихъ принадлежалъ принцъ де-Линь. Нѣкоторые изъ его писемъ къ Іосифу II и Сегюру весьма интересны. „Я желалъ бы представить вамъ отчетъ,“ писалъ онъ Іосифу, „о вашихъ непріятеляхъ и друзьяхъ: первые, однако, слишкомъ далеко отсюда, послѣдніе же слишкомъ самолюбивы. Какая разница между русскою арміею въ нынѣшнемъ и тою же арміею въ прошломъ году. Какую ревность вы видѣли здѣсь... Наконецъ, я сюда пріѣхалъ. Боже, чтò за погода, чтò за дороги, чтò за зима, чтò за главная квартира въ Елисаветградѣ! Я всегда предполагаю въ людяхъ лучшее; я всегда воображаю себѣ, что меня любятъ, и я думалъ, что князь Потемкинъ будетъ радъ моему пріѣзду. Я бросился обнимать его и спрашиваю: „что же Очаковъ?“ Онъ отвѣчаетъ мнѣ: „Богъ мой, въ Очаковѣ 10.000 человекъ гарнизону, а у меня во всей арміи столько не будетъ. У насъ во всемъ недостатокъ. Я самый несчастный человекъ, если Богъ мнѣ не поможетъ“. — „Какъ же“, перебиваю я его, „а дѣло подъ Кинбурномъ, а отправленіе флота—развѣ все это ни къ чему не поведетъ? Я ѣхалъ день и ночь безъ отдыха. Мнѣ говорили, что у васъ

¹⁾ Соловьевъ, Паденіе Польши.

уже начинается осада". А Потемкинъ въ отвѣтъ: „Напротивъ, дай Боже, чтобы Татары не напали на насъ здѣсь и не предали все огню и мечу. Богъ меня спасъ; я этого никогда не забуду. Онъ мнѣ далъ возможность собрать нѣсколько войскъ, находившихся за Бугомъ. Я считаю чудомъ, что могъ еще отстоять столь обширныя границы". „Гдѣ же Татары"? спрашиваю я. „Вездѣ", отвѣчалъ князь, „а затѣмъ еще стоятъ сераскиръ со множествомъ Турокъ у Аккермана, 12.000 Турокъ подъ Бендерами сторожатъ берегъ Днѣстра, и 6.000 въ Хотинѣ". Во всемъ этомъ не было ни одного слова правды. Но могъ ли я думать, что Потемкинъ захочетъ обманывать тѣхъ, въ помощи кого онъ нуждается. „Вотъ", сказалъ я ему, „письмо императора, въ которомъ изложено планъ войны; отдѣльнымъ отрядамъ вашего войска будетъ предоставлено, сообразуясь съ обстоятельствами, заняться выработкою подробностей всего этого. Его величество поручилъ мнѣ спросить васъ, что вы предполагаете дѣлать"? Князь возразилъ, что на другой же день письменно сообщитъ мнѣ свои соображенія. Жду день, два, три дня, недѣлю, двѣ недѣли; наконецъ мнѣ доставленъ планъ кампаніи, заключающійся въ слѣдующемъ: „Съ помощію Божіею я атакую все, что встрѣчу между Бугомъ и Днѣстромъ" ¹⁾).

Таковъ былъ Потемкинъ въ это время. Онъ опасался набѣга Татаръ, что казалось въ высшей степени забавнымъ принцу де-Линю. Два раза послѣдній въ насмѣшливомъ тонѣ писалъ къ Сегюру объ этихъ Татарахъ.

Ипохондрія Потемкина мѣшала ему заняться составленіемъ подробнаго плана кампаніи. Впрочемъ, въ общихъ чертахъ союзники договорились, что Австрія попытается взять Бѣлградъ, а русское войско займется осадой Очакова; но въ частности ничего не было определено. Очевидно, Потемкинъ не дорожилъ временемъ. Тщетно старалась Екатерина уговорить его приступить къ осадѣ Очакова и писала ему о необходимости подробнаго плана военныхъ дѣйствій ²⁾. Въ Петербургѣ начали догадываться, что безуспѣшность войны слѣдовало приписывать неспособности Потемкина.

Румянцевъ, командовавшій Украинскою арміею, никакъ не хотѣлъ дѣйствовать наступательно, постоянно жаловался на худое состояніе войска, на недостатокъ въ оружіи и продовольствіи, и этимъ воз-

¹⁾ *Oeuvres du prince de Ligne*, Paris 1860. II, 58—61.

²⁾ Записки Храповицкаго.

буждалъ гнѣвъ Екатерины. Австрійцы же не ранѣе, какъ въ февралѣ 1788 года, объявили войну Туркамъ, а затѣмъ лишь весною 1788 года выступили въ походъ.

Наконецъ, въ С.-Петербургѣ рѣшились предписать фельдмаршаламъ, какъ должно дѣйствовать. Въ первыхъ числахъ апрѣля Екатерина подписала рескриптъ, въ которомъ было приказано Украинской арміи прикрывать Польшу и наступать между Днѣстромъ и Бугомъ, а Екатеринославской — оборонять Крымъ и брать Очаковъ. Императрица ожидала, что Хотинъ и Вѣлградъ будутъ взяты Австрійцами. На это предписаніе Румянцевъ возразилъ, что Турки не будутъ держаться въ углу между Днѣстромъ и Бугомъ, но будутъ затруднять осаду Очакова, даже врѣжутся, можетъ-быть, въ Польшу и принудятъ Россію сосредоточить войска въ Тавридѣ для защиты полуострова ¹⁾. Должно полагать, что дѣйствительно въ Крыму находилось много войска, ибо Потемкинъ еще весною 1788 года опять „запѣлъ печальную пѣсню о необходимости покинуть Крымъ“ ²⁾, какъ видно изъ письма Екатерины къ князю отъ 27-го мая 1788 года: „На оставленіе Крыма, воли твоя, согласиться не могу, объ немъ идетъ война, и если сіе гнѣздо оставить, тогда и Севастополь и всѣ труды и заведеніе пропадутъ, и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи, и Кавказскій корпусъ отъ тебя отрѣзанъ будетъ и мы въ завоеваніи Тавриды паки упражнены будемъ, и не будемъ зпать, куда дѣвать военные суда, кои ни въ Днѣпрѣ ни въ Азовское море не будутъ имѣть убѣжище; ради Бога, не пушайся на сіи мысли, коихъ мнѣ понять трудно, и мнѣ кажутся неудобны, понеже лишаютъ насъ многихъ приобрѣтенныхъ миромъ и войною выгодъ; когда это сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ?“

Такъ зима проходила въ приготовленіяхъ къ войнѣ, въ сборахъ войска, и въ изготовленіи снарядовъ, необходимыхъ для осады Очакова. Современники не переставали порицать Потемкина за его бездѣйствіе: онъ же не переставалъ жаловаться на свое отчаянное положеніе.

Французскій инженеръ Лафитъ, особенно дѣятельно трудившійся надъ укрѣпленіемъ Очакова, писалъ къ графу Сегюру, что крѣпость эта не устояла бы противъ быстрого и рѣшительнаго нападенія. Нельзя поэтому удивляться, что Сегюръ находилъ образъ дѣйствій

¹⁾ Записки Храповицкаго, 4-го и 23-го апрѣля 1788 года.

²⁾ *Солосеевъ*, Паденіе Польши, 186.

Потемкина, постоянно обвинявшаго Австрійцевъ въ бездѣйствіи, совершенно непростительнымъ ¹⁾).

Къ довершенію всего, Потемкинъ весьма рѣдко писалъ императрицѣ и не присылалъ ей, какъ она требовала, постоянныхъ донесеній о положеніи дѣлъ ²⁾).

Въ войскѣ было много недовольныхъ. Въ письмѣ къ Екатеринѣ князь жаловался на нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно на принца де-Линя, который не давалъ ему покоя и постоянно твердилъ о необходимости приступить къ дѣлу. Екатерина защищала Потемкина, оправдывала его образъ дѣйствій, опасалась даже, что онъ излишнею смѣлостію подвергнетъ свою жизнь опасности ³⁾. Узнавъ, что, по мнѣнію Суворова и другихъ опытныхъ генераловъ, Потемкинъ пропустилъ удобную минуту атаковать Очаковъ, что крѣпость эта могла быть взята уже весною 1788 года, она говорила въ его пользу, утверждала, что сама велѣла ему беречь людей и запрещала идти на приступъ ⁴⁾).

Письма принца де-Линя и въ 1788 году весьма подробно и наглядно рисуютъ вялость и небрежность военныхъ дѣйствій и страшный недостатокъ во всемъ необходимомъ для похода. Въ апрѣлѣ 1788 года онъ писалъ императору Іосифу: „Еслибъ у насъ были свѣстные припасы, мы отправились бы въ походъ ⁵⁾); еслибы мы имѣли

¹⁾ Mémoires, III, 352.

²⁾ Тамъ же, III, 352.

³⁾ Записка Храповицкаго, 12-го мая: «Читано за секретъ письмо князя Потемкина-Таврическаго отъ 5-го мая: «Дѣла много, оставляю злобствующихъ и надѣюсь на васъ, матушка. Принцъ де-Линь, какъ вѣтренная мельница; у него я то Терситъ, то Ахиллъ». Екатерина замѣтила: «Конечно, князь можетъ надѣяться; оставленъ не будетъ; онъ не знаетъ другого государя; я сдѣлала его изъ сержантовъ фельдмаршаломъ; не такіе злодѣи его нинѣ каковы были князь Орловъ и графъ Ник. Ив. Панинъ; тѣхъ качества я уважала. Князь Орловъ всегда говорилъ, что Потемкинъ у меня какъ чортъ». 17-го мая Екатерина сказала: «Самъ съ рекрутами идти доказать свое усердіе и умереть христіаниномъ; въ войнѣ обстоятельства переменны; можетъ быть и Турки нѣкоторыя неудачи получать. Не хочу, чтобъ онъ жертвовалъ собою».

⁴⁾ Записка Храповицкаго, 10-го декабря 1788 года: «Замѣчено и мнѣ показано въ перелюстрации письма изъ Варшавы отъ принца Нассу-Сигизъ къ графу Сегюру.... Очаковъ можно было взять въ апрѣлѣ по плану его, съ коимъ и Суворовъ былъ согласенъ: тогда гарнизонъ не превосходилъ 4.000. Также и въ другой разъ послѣ побѣдъ на Днѣпѣ нинѣ одержанныхъ, но все упущено». «Это правда, я сама не велѣла идти на приступъ для сбереженія людей» (слова Екатерины).

⁵⁾ См. Записки Державина: «Въ 1788 году въ арміи князя Потемкина былъ

понтонъ, то получили бы возможность переходить чрезъ рѣки; если бы были у насъ бомбы и ядра, мы приступили бы къ осадѣ крѣпостей,—но мы не догадались заpastись всѣмъ этимъ (on n'a oublié que cela), и теперь князь велѣлъ привезти эти вещи по почтѣ. Транспорты и покупки аммуниціи стоятъ милліоны рублей. Прошу ваше величество защитить меня отъ гнѣва военнаго совѣта и государственной канцеляріи; но сколько я бы не хотѣлъ писать, я не зналъ бы положительно о чемъ, потому что мы здѣсь ровно ничего не дѣлаемъ.... На дняхъ я упрекнулъ князя въ бездѣйствіи. Нѣсколько минутъ послѣ этого онъ велѣлъ привести къ себѣ курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной русскими войсками на Кавказѣ. „Вотъ“, сказалъ онъ мнѣ, „вы меня обвиняете, будто я ничего не дѣлаю, а между тѣмъ я предалъ погибели 10.000 Черкесовъ, Имеретійцевъ и Грузинъ, да кромѣ того 5.000 Турокъ у Кинбурна“. Я, разумѣется, возразилъ ему, что считаю себя счастливымъ, что участвовалъ въ столь славныхъ предпріятіяхъ“. „На дняхъ“, пишетъ де-Линь въ другой разъ, „я сказалъ князю, что призову 6.000 Кроатовъ для взятія Очакова, съ которыми такъ церемонится здѣшняя армія.... Императрица въ крайнемъ удивленіи, что я не пишу къ ней; но я люблю быть откровеннымъ, мнѣ непріятно писать о князѣ, что онъ могъ бы сдѣлать гораздо болѣе, нежели дѣлаетъ“¹⁾).

При всемъ томъ личность Потемкина сильно нравилась принцу де-Линю. Хотя онъ часто смѣялся надъ изнѣженностью и причудами князя, хотя и сама Екатерина въ перепискѣ съ принцемъ находила, напримѣръ, довольно забавнымъ, что Потемкинъ употреблялъ въ походѣ 100 лошадей для своего багажа, да еще нѣсколько повозокъ для актеровъ, постоянно при немъ находившихся²⁾),—принцъ де-Линь иногда и хвалилъ его. Такъ, напримѣръ, въ маѣ 1788 года, говоря о поѣздкѣ князя въ Херсонъ для осмотра галерной флотиліи, онъ ставитъ ему въ большую заслугу, что такъ скоро создалъ онъ эту флотилію³⁾). И послѣ кончины Потемкина онъ хвалилъ его въ са-

крайній недостатокъ въ хлѣбѣ. Онъ велѣлъ въ мартѣ мѣсяцъ кушить въ разныхъ губерніяхъ, но такъ какъ въ томъ году въ Тамбовской губерніи, да и въ прочихъ смежныхъ, родился хлѣбъ худо, то и не могъ онъ удовлетворить требованію.

¹⁾ *Ligne, Oeuvres*, II, 62 и слѣд.

²⁾ *Lettres sur la dernière guerre de Turcs. Oeuvres*, II, 86. 15-го мая 1788.

³⁾ Записки Храповицкаго, 7-го августа 1790 года. «Читаяъ при мнѣ шуточный отвѣтъ au prince de Ligne, гдѣ на счетъ князя Потемкина сказано, что въ походѣ употребляетъ 100 chevaux pour son bagage et plusieurs chariots (sic) avec la troupe des comédiants».

ныхъ сильныхъ выраженіяхъ, въ особенности удивляясь рѣдкимъ его способностямъ. За то въ 1788 году онъ часто выходилъ изъ терпѣнія, имѣя дѣло съ княземъ. „Я здѣсь“, писалъ онъ изъ Елисаветграда, „состою нянькою. Мой ребенокъ великъ, силенъ и упрямъ. Вчера онъ мнѣ сказалъ: „Неужели вы воображаете, что пріѣхали сюда для того, чтобы водить меня за носъ?“ „Неужели“, возразилъ я ему, „вы думаете, что я вообще пріѣхалъ бы сюда, если бы не имѣлъ этого намѣренія? Любезный князь, вы лѣнливы и неопытны, поэтому для васъ это самое лучшее. Зачѣмъ не хотите вы вѣрить себя человѣку, влюбившемуся въ вашу славу и только мечтающему о могуществѣ двухъ имперій? Вамъ не достаетъ весьма немного для того, чтобы быть совершенствомъ, но геній вашъ безсиленъ, если онъ не будетъ поддерживаемъ довѣріемъ и дружбою!“ Князь замѣтилъ: „Дайте перейти вашему императору чрезъ Саву и я двинусь за Бугъ“. „Значитъ“, возразилъ я, „вы считаетесь комплиментами, какъ щеголи у дверей салона. Мой государь уступаетъ вамъ первый шагъ: противъ него дѣйствуетъ турецкая армія. Предъ вами же нѣтъ никакой арміи“. „Думаете ли вы“, спросилъ онъ, наконецъ, „что императоръ пожалуетъ насъ знаками ордена Маріи-Терезіи и пріиметъ знаки Георгіевскаго креста для раздачи отличившимся въ обѣихъ арміяхъ?“ Тутъ я увидѣлъ, куда мѣтилъ князь. Онъ имѣетъ страсть къ знакамъ отличія. У него ихъ только двѣнадцать; я жъ увѣрилъ его, что взятіе Очакова непременно доставитъ ему нашъ орденъ высшей степени (*notre grande croix*), а если бы содѣйствовалъ онъ взятію нашими войсками Бѣлграда, то пріобрѣлъ бы даже право на орденъ св. Стефана. Прошу ваше величество подтвердить мое обѣщаніе; и еслибы можно было уговорить Его Величество католическаго короля дать ему орденъ Золотого Руна, то мы могли бы совершенно разчитывать на князя“.

Потемкинъ оставался въ Елисаветградѣ до мая мѣсяца. Тогда только рѣшился онъ отправиться на югъ для начатія военныхъ дѣйствій.

III.

Сраженія въ Очаковскомъ лиманѣ.

Эпизодъ съ Сакевомъ.—Сраженія 7-го и 17-го іюня.—Пріѣздъ Потемкина.—Сраженіе 1-го іюля.—Отзывы принца де-Липа о Потемкинѣ.

Въ Россіи особенно надѣялись на дѣйствія флота, постройка и снаряженіе коего были по преимуществу предметомъ заботъ князя

Потемкина. Флотъ этотъ въ Севастополѣ чрезвычайно понравился Екатеринѣ и Иосифу и внушалъ сильныя опасенія Сегюру. Роль его могла быть чрезвычайно важна. При помощи этого флота можно было отрѣзать Очаковъ отъ Турціи, воспрепятствовать подвозу свѣжихъ войскъ и принасовъ въ осажденную крѣпость, а также защитить берега Крыма, Кинбурнъ, Херсонъ. Вотъ почему князь Потемкинъ употребилъ громадныя средства на постройку кораблей и предался сильному отчаянію, когда осенью 1787 года корабли эти серьезно пострадали отъ бури.

Весною 1788 года кануданъ-паша съ турецкимъ флотомъ явился въ Очаковскомъ лиманѣ ¹⁾. Турки были убѣждены, что онъ возвратитъ имъ Крымъ, а это въ глазахъ ихъ было важнѣе всякихъ побѣдъ надъ Австрійцами ²⁾. Русскій флотъ былъ слабѣе турецкаго ³⁾, за то были приняты мѣры для превращенія тѣхъ самыхъ галеръ, на которыхъ въ предыдущемъ году императрица совершила свое путешествіе, въ военные суда. Этимъ галернымъ флотомъ командовалъ принцъ Нассау-Зигенъ ⁴⁾. Русскіе, при своихъ дѣйствіяхъ противъ турецкихъ судовъ, надѣялись на береговныя батареи. Большой флотъ въ сраженіяхъ, происходившихъ въ лиманѣ 7-го и 17-го іюня, не участвовалъ, и только 3-го іюля столкнулся съ турецкими судами въ открытомъ морѣ.

Слѣдующій эпизодъ былъ какъ-бы прелюдией къ битвамъ въ лиманѣ. Принцъ Нассау-Зигенъ, командовавшій галерами, хотѣлъ условиться съ Суворовымъ, находившимся на Кинбурнской косѣ, и послалъ къ нему на шлюпкѣ капитана Сакена. Послѣдній долженъ

¹⁾ Число турецкихъ судовъ показано различно. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* говорится о 350, въ Исторіи Черноморскаго флота, помѣщенной въ *Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей*, IV, 292, насчитываются 22 линейные корабли, 12 фрегатовъ, 53 мелкія суда. Итогъ упоминаетъ о 17 или 18 линейныхъ корабляхъ и 20 каравелахъ, то-есть, судахъ, употребляемыхъ турецкимъ правительствомъ у купцовъ на время войны. На нихъ было по 40 пушекъ. Они особенно пострадали въ сраженіяхъ въ Очаковскомъ лиманѣ. См. *Gemälde des türkischen Reichs*, 92.

²⁾ *С.-Петерб. Вѣдом.* 1788, стр. 772.

³⁾ *Записки Одесскаго Общества*, IV, 271. При черноморскомъ флотѣ было 4 корабля, 11 фрегатовъ, 11 новозобрѣтенныхъ фрегатовъ и 58 мелкихъ судовъ.

⁴⁾ Въ Очаковскомъ лиманѣ командовалъ также Поль Джонсъ, котораго репутація была незавидна. Его считали чѣмъ-то въ родѣ корсара, и русскіе офицеры отказывались было служить съ нимъ. Рыбасъ кое-какъ уладилъ это дѣло. (*Записки Хронологическаго*, 15-го іюня). Эти непріятности происходили до сраженій въ лиманѣ.

былъ развѣдать о неприятельскомъ флотѣ и содержать брандвахту близъ Кинбурнской косы. О приближеніи турецкаго флота тогда ничего еще не знали. Вдругъ послѣдній неожиданно показался въ виду Кинбурна, и малыи его суда, благопріятствуемыя попутнымъ вѣтромъ, начали входить въ лиманъ. Забѣтивъ ихъ, Сакенъ хотѣлъ отправиться обратно къ Глубокой Пристани для извѣщенія принца Нассау-Зигена, или присоединиться къ русской эскадрѣ, стоявшей выше устья рѣки Буга, предъ Станиславскою косою. Турки устремились за шлюпкою. „Положеніе опасно“, сказалъ Сакенъ подполковнику Маркову, „но честь мою я могу еще спасти. Если Турки атакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ; но если нападутъ больше, прощай Theodorъ Ивановичъ; мы болѣе не увидимся!“ За Сакемомъ погнались тринадцать судовъ. Видя несоразмѣрность силъ, онъ спѣшилъ удалиться. Четыре турецкія галеры, очень легкія на ходу, настигали его и кричали, чтобы онъ сдался. Сакенъ вошелъ въ устье Буга, высадилъ на берегъ бывшихъ при немъ девять матросовъ и велѣлъ сказать принцу Нассау, „что ни онъ, ни шлюпка его не будутъ въ рукахъ неприятеля“; и, чтобы не дать Туркамъ завладѣть судномъ, самъ съ зажженнымъ фитилемъ спустился въ крѣпость-камеру. Вскорѣ шлюпка была окружена преслѣдовавшими ее галерами; Турки смѣло вошли на ея палубу, какъ вдругъ она взлетѣла на воздухъ, а вмѣстѣ съ нею и турецкія галеры со всѣми бывшими на нихъ людьми ¹⁾. Сакену было 35 лѣтъ. Тѣло его найдено безъ черепа, съ оторванными руками ²⁾. Это событіе случилось въ самомъ концѣ мая.

Почему, спрашивается, черноморскій флотъ не препятствовалъ движенію капуданъ-паши къ Очакову?

Князь Потемкинъ, опасаясь, чтобы Очаковская крѣпость не получила моремъ значительнаго подвоза съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, предписалъ черноморскому флоту подойти къ Очакову и стараться не допустить турецкій флотъ туда. Черноморцы вышли, однако, въ море изъ Севастопольской гавани уже послѣ того, какъ капуданъ-паша явился у крѣпости, такъ что никто не препятствовалъ снабженію ея солдатами, аммуниціей и съѣстными припасами ³⁾. Такая

¹⁾ Записки Эммануэля 84. Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. IV, 273.

²⁾ Сеньоръ, Mémoires III, 362, упоминаетъ о значительной неясности, даваемой императрицею вдовъ Сакема. — Авторъ Исторіи Черноморскаго флота говоритъ, что Турки послѣ этого событія не имѣли духа свалиться съ нашими судами на abordажъ. Записки Одесск. Общ. и проч., IV, 274.

³⁾ Въ Исторіи Черноморскаго флота, Зап. Од. Общ. и проч., IV, 272, сказано,

медленность флота можетъ казаться довольно странною. Можетъ-быть, поврежденія вслѣдствіе бури 1787 года требовали столь значительныхъ починковъ, что флотъ не могъ двинуться ранѣе.

Отсутствіе русскаго флота побудило капуданъ-пашу отважиться на сраженіе. Только нѣсколько русскихъ кораблей, подъ начальствомъ Поль Джонса, стояли у батареи Станиславской косы; тѣмъ болѣе отличились наши галерныя суда.

Въ концѣ мая и въ первыхъ числахъ іюня происходили незначительныя стычки между нашими и турецкими судами; во время одной изъ нихъ потонуло 5 турецкихъ судовъ и одинъ русскій фрегатъ ¹⁾. Затѣмъ начались и болѣе серіозныя сраженія, а именно: 7-го и 17-го іюня. Въ первомъ изъ нихъ большіе турецкіе корабли не участвовали, оставаясь при входѣ въ Очаковскій лиманъ. Обѣ битвы кончились въ пользу Русскихъ.

7-го іюня, въ 7 часовъ утра, гребныя турецкія суда, вошедшія въ лиманъ подъ начальствомъ самого капуданъ-паши, атаковали русскую галерную эскадру; прищъ Пассау встрѣтилъ ихъ сначала съ небольшимъ числомъ судовъ, однако во время сраженія получилъ подкрѣпленіе, такъ что битва, продолжавшаяся всего 4 часа, кончилась пораженіемъ Турокъ, отступившихъ къ стѣнамъ Очакова. Три турецкія судна были взорваны на воздухъ, но Турки сражались необыкновенно храбро. Князь Потемкинъ, доноси императрицѣ объ этомъ дѣлѣ, въ особомъ письмѣ замѣтилъ: „Турки не тѣ, не боятся пушекъ, чортъ ихъ научилъ“ ²⁾. Какъ кажется, потеря Русскихъ была незначительна, особенно потому, что непріятельскія орудія дѣйствовали съ слишкомъ большой высоты ³⁾. Капуданъ-паша на легкомъ суднѣ отважно разѣзжалъ по лиману, презирая всѣ опасности и ободряя своихъ солдатъ. Когда два турецкія судна были взорваны, загорѣлась канонерская лодка, и вслѣдствіе этого весь турецкій флотъ пришелъ

что графъ Войновичъ вышелъ въ море не ранѣе 18-го іюня, что сильная буря застигла его близъ острова Фдониса, что флотъ вслѣдствіе бури долженъ былъ возвратиться въ Севастополь, и что это несчастіе доставило турецкому адмиралу возможность безпрепятственно подойти къ Очакову. Однако Гассанъ-паша прибылъ туда уже ранѣе; онъ участвовалъ въ сраженіяхъ 7-го и 17-го іюня, а графъ Войновичъ только 18-го оставилъ Севастополь.

¹⁾ Подробный разказъ о сраженіи въ *Зап. Одесск. Общ. и проч.* IV, 275.

²⁾ *Зап. Храмовникаго*, 15-го іюня: «Пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о побѣдѣ... Турки атаковали нашу эскадру и прогнаны со стыдомъ».

³⁾ *Зап. Одесск. Общ. и проч.* IV, 276.

въ разстройство, Капуданъ-паша старался остановить бѣгство и даже открылъ огонь по нѣкоторымъ своимъ судамъ, но и это не помогло. Русскіе преслѣдовали Турокъ почти на выстрѣлъ до большихъ ихъ кораблей, стоявшихъ у Очакова, а затѣмъ возвратились назадъ ¹⁾.

Почему, является вопросъ, капуданъ-паша не употребилъ въ этомъ сраженіи большіе корабли, оставшіеся у Очакова?—По всей вѣроятности, русскія береговныя батареи затрудняли имъ движеніе въ лиманъ, гдѣ кромѣ того, находились мели, которыя легко могли сдѣлаться для нихъ опасными ²⁾. За то русскія плоскодонныя галеры свободно разѣзжали по лиману, и только корабли, которыми командовалъ Поль Джонсъ, съ нѣкоторымъ трудомъ слѣдовали за ними, по причинѣ мелей ³⁾.

Участіемъ большихъ турецкихъ кораблей битва 17-го іюня отличается отъ битвы 7-го іюня, но именно вслѣдствіе того уронъ Турокъ былъ на этотъ разъ гораздо значительнѣе.

Деять дней прошло со времени перваго сраженія. Со стороны Турокъ незамѣтно было никакихъ приготовленій. 16-го іюня принцъ Нассау собралъ военный совѣтъ на кораблѣ „Владиміръ“, изъ флаг-

¹⁾ *Зан. Од. Общ.* и проч. IV, 276.

²⁾ *Итоги*, 102, упоминаетъ объ опасеніяхъ Капуданъ-паша на этотъ счетъ. Впрочемъ, въ разказъ его встрѣчаются ошибки. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что русскій флотъ находился между Киябурномъ и Очаковскимъ и такимъ образомъ нѣшалъ дѣйствіямъ Биябурскихъ батарей противъ турецкаго флота, тогда какъ изъ другихъ источниковъ видно, что русскіе корабли стояли въ лиманѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Очакова къ востоку.—*Сенюръ* утверждаетъ, что Гассанъ вошелъ въ лиманъ только съ четвертою частью своего флота. Изъ плана сраженія, приложеннаго къ исторіи Черноморскаго флота, въ *Зан. Одесск. Общ.* и проч. IV, видно, что турецкій флотъ былъ раздѣленъ на двѣ эскадры. Первая, состоявшая изъ 17 кораблей, 8 фрегатовъ и 34 другихъ судовъ, осталась у острова Березани; вторая изъ 5 кораблей и фрегатовъ и 42 мелкихъ судовъ вошла въ лиманъ.

³⁾ *Сенюръ* говоритъ, что Поль Джонсъ командовалъ двумя кораблями, а въ *Зан. Одесск. Общ.* и проч. упоминается о восьми судахъ, находившихся подъ его командою. Хотя сама Екатерина писала къ Циммерману, что эскадра Поль Джонса участвовала въ битвѣ, но это участіе, очевидно, не имѣло большого значенія. Екатерина въ письмѣ къ Циммерману нѣсколько преувеличивала успѣхъ русскаго оружія. «Много турецкихъ кораблей», писала она, «погиблено, другіе поднялись на воздухъ. Уронъ ихъ простирается вообще до 18 кораблей, остальные же, бывъ сильно повреждены, удалились подъ Очаковскія пушки».—Въ восторгѣ Потемкинъ писалъ къ Суворову: «Мой другъ сердечный, любезный другъ! люди бьютъ корабли, пушки заграждаютъ теченіе рѣкъ: Христосъ посреда насъ». Жизнь Потемкина. Москва, 1812. IV, 71.

мановъ и капитановъ, и совѣтъ этотъ рѣшили: при наступленіи ночи атаковать непріятеля. Но Гассанъ-паша предупредилъ Русскихъ ¹⁾.

Гассанъ-паша предъ началомъ битвы напомнилъ своему флоту султанскій фирманъ о непремѣнномъ истребленіи Русскихъ въ лиманѣ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на каждое изъ судовъ русской парусной эскадры направлены были два турецкія ²⁾. Не смотря на это; большіе турецкіе корабли сдѣлались жертвами упорнаго нападенія мелкихъ русскихъ судовъ.

16-го іюня, въ 1 часъ пополудни, турецкій флотъ, расположенный у острова Березани, началъ сниматься съ якоря, двигаясь въ лиманъ. Русскіе уже приготовились къ бою, и когда увидѣли, что Турки пришли въ замѣшательство отъ того, что корабль капуданъ-паша наткнулся на мель, готовились атаковать Турокъ; но вѣтеръ снова поднялъ на воду корабль турецкаго адмирала, и поэтому принцъ Нассау отложилъ нападеніе до болѣе удобной минуты. Ночью прибыли для усиленія русскаго флота еще 22 вооруженныя канонирскія лодки ³⁾.

17-го іюня, въ 4 часа утра, Русскіе начали нападеніе. На лѣвомъ флангѣ командовалъ принцъ Нассау, направившійся противъ главныхъ силъ турецкихъ, на правомъ—контръ-адмиралъ Алексіанно. Капуданъ-паша тотчасъ же сталъ отступать, при чемъ одинъ изъ его 64-хъ-пушечныхъ кораблей, а затѣмъ и адмиральскій корабль Гассана стали на мель. Завязалось сраженіе. Турки выдержали упорно губительное дѣйствіе русской артиллеріи и не могли двигаться успѣшно вслѣдствіе мелководія. Русскіе, между тѣмъ, получили подкрѣпленіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ судовъ резервной гребной флотиліи; тогда Турки покинули стоявшія на мели свои два судна, бросились въ бѣгство и укрылись подъ стѣнами Очакова. Русскіе послѣ страшной схватки сожгли 64-хъ-пушечный корабль, а затѣмъ еще болѣе упорный бой завязался около корабля адмиральскаго. Такъ какъ Турки защищались на немъ отчаянно и открыли убійственный огонь, то принцъ Нассау, потерявъ надежду склонить экипажъ къ сдачѣ, послалъ брадеры, которые и зажгли корабль въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Съ трудомъ побѣдители успѣли спасти половину экипажа; другая же половина, вмѣстѣ съ кораблемъ, погибла въ пожарѣ ⁴⁾.

¹⁾ *Зап. Одесск. Общ.* и проч. IV, 276.

²⁾ *Скалоескаго. Біографія Ушакова.* I, 61.

³⁾ *Зап. Одесск. Общ.* и проч. IV, 277.

⁴⁾ Какъ кажется, при этомъ случаѣ честолюбіе принца Нассау было причи-

Въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ отличились мелкія суда. Напротивъ того, большія, находившіяся подъ командою Поль Джонса, по случаю мелководія, не могли принимать дѣятельнаго участія въ сраженіи. Вслѣдствіе того, начальники ихъ, оставивъ свой флотъ, поспѣшили къ принцу Нассау и предложилъ ему свои услуги, стараясь, впрочемъ, сдерживать отвагу принца. Поль Джонсъ считалъ слишкомъ опаснымъ атаковать пловучими батареями, кононерскими лодками и галерами большіе турецкіе корабли; Нассау, напротивъ, объяснялъ ему, что съ турецкими колоссами тѣмъ легче можно справиться, что ихъ пушки стрѣляютъ высоко и не попадаютъ вовсе въ низкія суда.

Первымъ моментомъ сраженія 17-го іюня было нападеніе мелкихъ русскихъ судовъ на двѣнадцать ¹⁾ большихъ турецкихъ кораблей, изъ которыхъ два тотчасъ же погибли. Капуданъ-паша, потерявъ свой корабль, спасся на шлюпкѣ. Затѣмъ турецкая эскадра отступила къ стѣнамъ Очакова. Вторымъ моментомъ было дѣло контръ-адмирала Алексіано и праваго фланга нашего флота съ стоявшими близъ Очакова судами, которыми онъ былъ атакованъ. Принцъ Нассау послалъ ему подкрѣпленіе, и Алексіано успѣлъ оттѣснить Турокъ къ Гассанъ-пашинской батарее. Крайній безпорядокъ и замѣшательство обнаружилось въ непріятельскомъ флотѣ, хотя силы его были гораздо превосходнѣе нашихъ ²⁾. Третьимъ и важнѣйшимъ моментомъ сраженія была неудачная попытка капуданъ-паши вывести остатки своей эскадры

ною сожженія турецкаго корабля, который отлично пригодился бы Русскимъ. Когда фрегатъ «Николай» атаковалъ турецкій корабль, на послѣднемъ былъ спущенъ флагъ. Нассау, недовольный тѣмъ, что корабль сдается парусному фрегату, а не его гребной эскадрѣ, снова открылъ по немъ пальбу и этимъ привелъ Турокъ въ такое отчаяніе, что они продолжали защищаться. См. соч. *(Калоевскою* объ Ушаковѣ, I, стр. 61. О мѣстѣ сраженія см. подробное описаніе въ *Зап. Одесск. Общ. и проч.*, IV, и на приложенномъ къ нему планѣ № V. У *Германа*, *Gesch. d. russ. Staats*, VI, 175, ошибочно сказано, что битва происходила при Глубокой Пристанѣ, которая отстоитъ около 30 верстъ отъ мѣста сраженія. Русскія пловучія батареи дѣйствовали отлично противъ большихъ турецкихъ судовъ. См. Записки графа Комаровскаго въ *Осьмнадцатомъ вѣкѣ* I, 332. Весьма любопытно по этому поводу замѣчаніе Густава III. См. мое соч. «Война Россіи со Швеціею», стр. 245.

¹⁾ Екатерина въ письмѣ къ Циммерману говоритъ, что *восемь* турецкихъ кораблей содѣйствовали турецкимъ гребнымъ судамъ въ сраженіи. Сочиненія Екатерины, III, 458. *Самойловъ* въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., ст. 1246, упоминаетъ о 12 непріятельскихъ корабляхъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Та же цифра показана и въ *Запискахъ Одесск. Общ. и проч.*, IV, планъ № 5.

²⁾ *Зап. Одесск. Общ. и проч.* IV, 278.

изъ лимана и соединиться съ эскадрою, стоявшею на якорѣ въ открытомъ морѣ. Неудача эта дорого стоила Туркамъ и довершила ихъ поражение.

Мнѣніе, будто Очаковская крѣпость могла считаться ключемъ лимана, оказывается невѣрнымъ. Небольшія суда всегда имѣли возможность въ достаточномъ отъ Очакова разстояніи пройти изъ лимана въ море и обратно; за то батареи, построенныя Русскими на Кинбурнской косѣ, имѣли весьма важное значеніе. Суворовъ столь удачно успѣлъ замаскировать ихъ, что Турки, кажется, не знали объ ихъ существованіи ¹⁾. Какъ скоро Турки, послѣ пораженія 17-го іюня, рѣшились показаться въ морѣ, они очутились между двумя огнями. Суворовъ, готовясь встрѣтить ихъ своими батареями, написалъ ночью на 18-е іюня записку къ принцу Нассау слѣдующаго содержанія: „Непобѣдимый Дорія, пора вамъ взять въ плѣнъ потомка Барбароссы“. Тотчасъ же Нассау отправился въ путь за удаляющеюся турецкою эскадрою. Только мелкія русскія суда могли участвовать въ этомъ предпріятіи, большіе же корабли по мелководію должны были оставаться позади. Около 11 часовъ ночи началось дѣйствіе внезапно обнаруженныхъ береговыхъ батарей Кинбурнской косы, на которыхъ находилось 48 18 и 24-хъ фунтовыхъ пушекъ. Нѣсколько кораблей и судовъ турецкой эскадры стали отъ замѣшательства на мель. Между тѣмъ, не смотря на стрѣльбу съ Гассанъ-пашинской батареи, съ города и мелкихъ судовъ, стоявшихъ подъ стѣнами Очакова, принцъ устремился за Турками въ погоню. Русская флотилія раздѣлилась на двѣ колонны, и образовавъ линію въ видѣ полумѣсяца, охватила турецкую эскадру. Нѣсколько большихъ кораблей и мелкихъ судовъ въ продолженіе страшной битвы, длившейся до утра, взлетѣли на воздухъ ²⁾; одинъ корабль съ 60 пушками былъ взятъ Русскими. Вслѣдствіе крайняго упорства, съ которымъ сражались Турки, имъ едва удалось спасти незначительную часть своего экипажа ³⁾. Сожженіе сѣвшихъ на мель турецкихъ кораблей продолжалось и на другой день ⁴⁾. Изъ всей эскадры капуданъ-паша, бывшей въ лиманѣ, успѣли выйти въ море два поврежденные линейные корабля, три фрегата и нѣсколько мелкихъ судовъ; остальные приблизились къ стѣнамъ Очакова, и русская

¹⁾ *Smitt, Suworow, I, 318.*

²⁾ *Зап. Одесск. Общ. и проч. IV, 278.*

³⁾ Говорятъ, что многіе Турки бросались въ воду, привязавъ къ шеѣ пучками ядра, для того, чтобы скорѣе потонуть. *Smitt, Suworow, I, 323.*

⁴⁾ *Archenholtz's Minerva 1799. I, 154.*

флотилія держала ихъ въ блокадѣ. Стоявшія на взморьѣ турецкія суда удалились отъ страха въ море ¹⁾. Значительный уронъ Турокъ былъ слѣдствіемъ удачныхъ распоряженій Суворова, построившаго въ надлежащемъ мѣстѣ батареи ²⁾, а также смѣлости принца Нассау и удобства дѣйствовать пловучими батареями противъ большихъ судовъ.

Нассау отправилъ французскаго графа Роже-де-Дамаса къ князю Потемкину съ извѣстіемъ о побѣдѣ, а графъ Апраксинъ былъ посланъ съ тѣмъ же въ Петербургъ къ императрицѣ. Въ официальныхъ дописаніяхъ сказано, что сожжено 6 и взято 2 большихъ турецкихъ корабля, и что 30 мелкихъ судовъ, сильно поврежденныхъ, едва спаслись подъ стѣны Очакова; число убитыхъ Турокъ показано 3.000, и столько же взятыхъ въ плѣнъ ³⁾.

На Потемкина извѣстіе о побѣдѣ подѣйствовало чрезвычайно сильно. Въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ объ этомъ событіи съ бывшимъ тогда при немъ принцемъ де-Лянемъ, и видѣлъ въ немъ Божій промыселъ, особое оказанное ему покровительство провидѣнія. И Екатерина была, очевидно, весьма довольна. Она щедро наградила Нассау и Алексіано ⁴⁾ и велѣла отслужить благодарственный молебень въ Петропавловской церкви ⁵⁾. Въ письмѣ къ Циммерману императрица, между прочимъ, замѣтила, что „штан-

¹⁾ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. IV, 279. И самъ Гассанъ-паша вышелъ тогда изъ лимана. Замѣтка у Самойлова, въ Русскомъ Архивѣ 1867 г., ст. 1246, будто капуданъ-паша ушелъ на шлюпкѣ въ Очаковъ и видѣлъ оттуда, какъ Русскіе взяли его корабль и сожгли остальные, относится къ окончанію дѣла 17-го іюня. Въ жизнеописаніи князя Потемкина, изданномъ въ Москвѣ въ 1812 году, сказано, на стр. 123: «Гассанъ-паша, вышедъ на берегъ, сидѣлъ въ глубокой горести; съ растерзаннымъ сердцемъ, заплаканными глазами: шелковая петля ожидала его». Разказывали, что Гассанъ, отправляясь въ походъ, клялся, что или возьметъ Крымъ, или погибнетъ. С.-Петерб. Вѣд. 738 (1788).

²⁾ Есть преданіе, будто Рибасъ утверждалъ, что батареи при Кибуриѣ были построены противъ воли Суворова. См. Исторію Суворова, Полевая, 128.

³⁾ См. С.-Петерб. Вѣд. 1788 года, стр. 753, и приложение № 56. Самойлова, въ своей біографіи Потемкина въ Русскомъ Архивѣ 1867 г., ст. 1246, говоритъ о 5.000 убитыхъ и 8.000 взятыхъ въ плѣнъ Туркахъ. У Сенюра упомянуто о 4.000 плѣнныхъ Туркахъ.

⁴⁾ Зап. Храповицкаго, 26-го іюня: «Принцу Нассау пожаловано 3.200 душъ въ Могилевской губерніи, а Алексіано 610». 2-го іюля: «Въ ночь была замѣта о турецкомъ елотѣ; сказала я, что она не вѣрна, послѣ двухъ побѣдъ на лиманѣ. Разсѣялась, и сочти 8 линейныхъ кораблей погибшими, нашли въ остаткѣ 2».

⁵⁾ Ségur, III, 410.

дартъ Турецкой имперіи попалъ въ наши руки“, а затѣмъ продолжала: „Всего чрезвычайнѣе въ семъ дѣлѣ то, что гребныя суда, съ помощію, правда, батарей съ Кинбурнской косы, могли истребить столь знатный флотъ; ибо наши корабли тянулись казацкими гребцами, подъ командою бригадира Алексіано и имѣя безпрестанно противный вѣтръ, почти совсѣмъ не могли дѣйствовать ¹⁾).

Что касается впечатлѣнія, произведеннаго извѣстіемъ объ описанныхъ событіяхъ на турецкое правительство, то тогдашнія *С.-Петербургскія Вѣдомости* извѣщали, будто султанъ, узнавъ объ уронѣ, „былъ нѣсколько минутъ въ обморокѣ, и съ того времени имѣлъ болѣзненные припадки безпрестанно“ ²⁾.

Задача Потемкина заключалась въ томъ, чтобы по возможности скорѣе двинуться у стѣнъ Очакова, дѣйствовать за одно съ флотомъ и препятствовать отправленію въ эту крѣпость свѣжихъ турецкихъ войскъ. Мы видѣли, однако, что онъ не считалъ себя достаточно готовымъ къ выполненію этой задачи.

Еслибы въ то время, когда происходили сраженія въ лиманѣ, войско Потемкина уже находилось у стѣнъ Очакова, то городъ, быть можетъ, рѣшился бы сдаться; но Потемкинъ только что тронулся тогда въ путь. Походъ его былъ чрезвычайно медленъ и неудаченъ. Сборнымъ пунктомъ назначено было мѣсто у Соколовъ, но квартирмейстеръ положилъ произвести переправу чрезъ Бугъ ниже этого пункта, тамъ именно, гдѣ нѣкогда Минихъ переправлялся со своимъ войскомъ. Мѣсто это оказалось слишкомъ болотистымъ и неудобнымъ для наведенія мостовъ, и войско должно было возвратиться назадъ, къ Соколамъ ³⁾.

Но и самъ Потемкинъ былъ отчасти виновенъ въ столь медленномъ движеніи арміи. Напрасно онъ надѣялся однако, что Очаковъ, послѣ битвы на лиманѣ, сдастся добровольно; Гассанъ-паша, удалившійся въ море, снова появился у острова Березани, стараясь расположиться на Очаковскомъ фарватерѣ, ниже Кинбурна, чтобы спасти галеры и другія мелкія суда свои, укрывшіяся подъ крѣпостныя стѣны ⁴⁾. Потемкинъ замѣтилъ ихъ, осматривая мѣстность близъ

¹⁾ Сочиненія *Екатерины*, III, 458.

²⁾ *С.-Петерб. Вѣд.* 1788. ст. 1157.

³⁾ Жизнь князя Потемкина. 1812. I, 119, 124. Потемкинъ сказалъ квартирмейстеру, когда послѣдній сослался на примѣръ знаменитаго полководца: «При Минихѣ тебя бы по крайней мѣрѣ повѣсили за такую олошность».

⁴⁾ Жизнь Ушакова, I, 68. По этому не совсѣмъ справедливымъ оказывается

Очакова, и тотчасъ же приказалъ принцу Нассау истребить ихъ, потому что онѣ были вооружены большими пушками и могли затруднить русскимъ бомбардированіе города. Сраженіе продолжалось восемь часовъ. Русскіе сожгли 2 турецкіе фрегата, 7 судовъ и взяли 4 судна; кромѣ того, уронъ Турокъ состоялъ изъ 100 плѣнныхъ. Число убитыхъ, раненыхъ и потопленныхъ было весьма значительно. Командовавшій галерами Лаля-паша находился между убитыми. Все дѣло происходило подъ выстрѣлами Очаковской крѣпости, которая вскорѣ, однако, была принуждена замолчать. Самый городъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорѣлся, но Турки успѣли въ скоромъ времени потушить этотъ пожаръ.

Храповицкій 13-го іюля писалъ съ очевиднымъ удовольствіемъ: „Весь лиманъ очищенъ, и нѣтъ болѣе судовъ непріятельскихъ“; а Екатерина говорила въ письмѣ къ Циммерману 20-го іюля: „Весь бывшій подъ Очаковымъ турецкій флотъ истребленъ въ четырехъ сраженіяхъ“. Теперь русская флотилія могла безпрепятственно приблизиться къ самому Очакову бросать брандскугели и бомбы въ городъ и вообще дѣйствовать за одно съ сухопутною арміею²⁾.

Екатерина щедро наградила князя за сраженія въ Очаковскомъ лиманѣ. Для него было приказано сдѣлать золотое блюдо съ надписью: „Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, яко строителю военныхъ судовъ“. На блюдо велѣно было положить богато украшенную шпагу съ лаврами и надписью „Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, успѣхами увѣнчанному“³⁾. Эти подарки, стоившіе болѣе 30.000 рублей, были отправлены въ концѣ августа. Кромѣ того, Потемкину было дозво-

---

замѣчаніе Екатерины въ письмѣ къ Циммерману отъ 28-го іюля: «Потемкинъ приступилъ теперь къ осадѣ Очакова и сообщеніе между оногомъ и арміею подъ Очаковскими ретраншментами совершенно свободно». Сочиненія, III, 458.

¹⁾ См. *С.-Пет. Вѣд.* 1788. стр. 835—836. *Minerva* 1799. I, 156.

²⁾ *Самойловъ* въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года, ст. *Зап. Одесск. Общ.* и проч. 1246. IV, 279.

³⁾ Записки Храповицкаго, 13-го іюля. *Самойловъ*, 1545, увѣрять, что это блюдо было подарено Потемкину не раньше 1789 года, какъ-бы за взятіе Бендеръ и Анкермана, и въ послѣдствіи наследникъ князя отдало въ Московскій Успенскій соборъ; однако у Храповицкаго въ іюлѣ 1789 года не говорится ничего о наградахъ; 13-го же іюля 1788 года упомянуто о заказѣ, а 22-го августа «выдавали шпагу въ 21 тысячу и блюдо въ 6 тысячъ». Имъ не имѣетъ основанія сомнѣваться въ ошибкахъ Самойлова.

лено имѣть штатъ „генераль-фельдмаршалскій отъ флота Черноморскаго“¹⁾.

Совсѣмъ иначе думали о Потемкинѣ находившіеся при немъ лица. Принцъ де-Линь былъ убѣжденъ, что можно было взять Очаковъ 1-го іюля, пользуясь побѣдою надъ стоявшею подъ стѣнами этой крѣпости флотиліей. Такого же мнѣнія былъ и Итонъ.

Весьма важно то обстоятельство, что Потемкинъ не былъ въ состояніи отрѣзать совершенно сообщеніе между турецкимъ флотомъ и Очаковомъ. Попытки съ тою цѣлью оказались неудачными. Такимъ образомъ, лишь въ самое послѣднее время осады крѣпость была совершенно блокирована, между тѣмъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ прибытія русскаго войска къ стѣнамъ ея, она могла получать и дѣйствительно получала разные припасы и подкрѣпленія. Далѣе Потемкинъ не достаточно былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ городѣ, откладывая штурмъ и этимъ подвергалъ свое войско страшнымъ лишеніямъ отъ болѣзней и морозовъ. Наконецъ, онъ не ладилъ почти ни съ кѣмъ изъ окружавшихъ его лицъ, такъ что еще до взятія Очакова Суворовъ, Нассау и принцъ де-Линь разстались съ нимъ.

Нельзя, однако, обвинять Потемкина въ бездѣйствіи. Напротивъ того, мы имѣемъ доказательства его неутомимой и многосторонней дѣятельности во время осады Очакова. Собственноручные ордера его къ Фалѣеву и другимъ лицамъ свидѣтельствуютъ, что онъ работалъ, работалъ самостоятельно, заботился о постройкѣ судовъ, о продовольствіи солдатъ, о лѣкарствахъ для больныхъ, объ обученіи рекрутъ²⁾. И принцъ де-Линь отдавалъ ему справедливость въ этомъ отношеніи, хотя находилъ, что онъ слишкомъ поддается ипохондріи и во временахъ страшно лѣнится. Извѣстно, что во время осады Очакова Потемкинъ занимался литературными трудами, писалъ мадри-

¹⁾ Зап. Храповицкаго, 14-го іюля 1788 года.

²⁾ См. Зап. Одесск. Общ. и проч. II, 657. Князь былъ часто недоволенъ исполненіемъ подрачниковъ, дурно исполнившихъ казенныя работы, а также недобросовѣстностью и нерадѣніемъ служащихъ. Однажды онъ писалъ Фалѣеву въ чрезвычайномъ огорченіи: «Молчите, молчите, да вдругъ потребуете чего-нибудь прислать изъ Сибиря или изъ Астрахани... Вы не давитесь, что я ворчу: Богу извѣстно, что силъ не достаетъ; вездѣ самому быть нельзя. А все до малѣйшихъ способовъ у меня требуютъ». «Они любятъ остановки и ихъ шутятъ», замѣчалъ онъ однажды о лицахъ, которымъ давалъ порученія.

гали дамамъ и переводилъ церковную исторію аббата Флери ¹⁾, Музыка и пиршества постоянно занимали его во время осады ²⁾.

Извѣженность не мѣшала, однако, Потемкину подвергаться иногда личнымъ опасностямъ. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ прибытія своего къ Очакову, желая присутствовать при военныхъ опытахъ, онъ легко могъ понасться въ плѣнь или даже быть убитымъ вслѣдствіе приключившагося при этомъ взрыва. Однажды, когда князь развѣзжалъ между Кинбурномъ и Очаковымъ въ прекрасномъ катерѣ, вмѣстѣ съ Рѣпиннымъ, де-Линемъ, Браицеимъ, Нассау и Дамасомъ, Турки изъ Гассанъ-пашинской батареи сильно стрѣляли по плававшимъ и затѣмъ бросились даже за ними въ погоню. Потемкинъ, сохраняя хладнокровіе, успѣлъ доѣхать до русскихъ батарей ³⁾. Узнавъ, что его подозреваютъ въ недостаткѣ мужества, онъ однажды, сопровождаемый нѣсколькими офицерами, сдѣлалъ рекогносцировку такъ близко у непріятельскаго лагеря, что бывшему съ нимъ генералу Синельникову турецкое ядро оторвало ногу ⁴⁾. Въ подобныхъ случаяхъ Потемкинъ одѣвался пышно и былъ увѣнанъ звѣздами ⁵⁾.

Солдаты, кажется, любили его. Они были обязаны ему введеніемъ болѣе удобной одежды, отгѣбною кось и проч. Онъ шутилъ съ ними, часто пріѣзжалъ въ траншеи, и въ апропахъ сказалъ однажды вставшимъ предъ нимъ солдатамъ: „Слушайте, ребята, приказываю вамъ однажды навсегда, чтобы вы предо мною не вставали, а отъ турецкихъ ядеръ не ложились на землю“ ⁶⁾.

¹⁾ *Надеждинъ* въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1832 г., стр. 66. Не находится ли въ связи съ литературными занятіями князя вышедшій въ 1790 году переводъ книги Бернардена Сень-Пьера о вѣчномъ мирѣ, въ заглавіи котораго сказано: «Переводъ съ французскаго языка въ станѣ предъ Очаковымъ въ 1788 году». см. *Соч. Державина*, изд. подъ редакціей Я. Грота, I, 358.

²⁾ Любопытныя свѣдѣнія о дамахъ, окружавшихъ Потемкина, встрѣчаются, между прочимъ, въ Запискахъ Энгельгардта и въ письмахъ Чернышева къ Голицыну, писанныхъ въ лагерѣ предъ приваломъ въ 1790 году и напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1871 г. 386 и 387.

³⁾ *Самойловъ*, см. *Русскій Архивъ* 1867 г., ст. 1567.

⁴⁾ *Castéra*, II, 155.

⁵⁾ *Самойловъ*, 1565.

⁶⁾ *Самойловъ*, 1566.

IV.

Осада Очакова.

Первыя дѣйствія по прибытіи Потемкина къ Очакову. — Столкновеніе съ нимъ Суворова. — Битва 27-го іюля. — Удаленіе Суворова. — Сраженіе на морѣ при островѣ Фидониси. — Гассавъ-паша у Очакова. — Дальнѣйшія военныя дѣйствія.

Почти полгода прошло со времени прибытія Потемкина подъ Очаковъ до взятія этой крѣпости.

Въ С.-Петербургѣ уже весной ожидали рѣшительныхъ дѣйствій и не знали, чему приписать промедленіе. Князь Щербатовъ жаловался, что ни о турецкой, ни о шведской войнѣ не ведутся въ газетахъ достаточно полныя и вѣрныя журналы, „и частыя промѣшки дѣланы въ неподлинности любящаго отечество свое любопытство гражданина оставляютъ“ (sic), что умалчивается о томъ, „гдѣ находятся сухопутныя арміи какъ князя Потемкина, такъ и графа Румянцева“¹⁾.

Но положеніе дѣлъ представляло не малыя трудности. Укрѣпленія Очакова были весьма сильныя. Онъ былъ окруженъ форштатомъ, прикрытымъ натуральнымъ рвомъ и садами съ окопами и каменными изъ плитняка стѣнками²⁾. Особенно заботился объ этомъ инженеръ Лафитъ, читавшій, между прочимъ, офицерамъ лекціи о математикѣ и военныхъ наукахъ и за свои труды получавшій щедрыя награды отъ султана³⁾. Но не смотря на всѣ свои усилія, Лафитъ не надѣялся спасти крѣпость. Какъ уже выше было сказано, онъ былъ убѣжденъ, что Очаковъ не можетъ выдержать болѣе трехъ недѣль серьезной осады⁴⁾.

Хотя самъ Потемкинъ и явился у Очакова въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца, но войско собиралось такъ медленно, что осадныя работы начались не раньше 31-го іюля. Войска расположились въ 3¹/₂ верстахъ разстоянія отъ крѣпости⁵⁾.

¹⁾ См. любопытную статью Щербатова, писанную въ іюль 1788 года, въ *Чтеніяхъ Московск. Общ. Ист. и Древн.* 1860, I, 73.

²⁾ *Самойловъ*, 1248.

³⁾ См. отвѣтъ *Пейссоннелла* на брошюру *Вольман* «Sur la guerre actuelle», стр. 27. Сборникъ брошюръ, относящихся къ этой войнѣ, въ библиотекѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

⁴⁾ *Séjour*, Tableau etc., 160.

⁵⁾ *Minerva*, 156. *Самойловъ*, 1246, говоритъ, что передовой корпусъ пришелъ въ концѣ іюля, а самая армія не раньше августа, артиллерія же въ концѣ августа.

О предположеніяхъ Потемкина въ самомъ началѣ осады мы узнаемъ изъ документа, сообщеннаго секретаремъ саксонскаго посольства Гельбигомъ въ его біографіи главнокомандующаго, напечатанной въ Архенгольцовомъ историческомъ журналѣ *Minerva*. Очевидно, саксонскій дипломатъ имѣлъ возможность, благодаря своимъ связямъ, достать себѣ планъ осады, составленный самимъ княземъ и известный, по всей вѣроятности, лишь немногимъ лицамъ. Изъ означеннаго документа видно, что Потемкинъ, разчитывая на превосходство русской артиллеріи, предполагалъ устроить батареи около берега и вѣдъ лимана до мѣстности, находившейся противъ озера Березани. За этими батареями онъ хотѣлъ расположить все свое войско. Принцъ Нассау долженъ былъ дѣйствовать со стороны лимана. Важнѣйшею задачею было взятіе турецкаго форта „Гассанъ-наша“, прикрывавшаго собою крѣпость и находившагося нѣсколько выше города. Затѣмъ взятіе самой крѣпости могло считаться дѣломъ не труднымъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій была рекогносцировка, произведенная генераль-лейтенантомъ П. С. Потемкинымъ около крѣпости. При этомъ случаѣ Русскіе опустошили сады въ форштатѣ и взяли въ плѣнъ 100 Турокъ¹⁾.

Настоящая осада началась гораздо позднеѣ. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа было уже возведено, однако, нѣсколько редутовъ, но какъ утверждаютъ, въ слишкомъ значительномъ разстояніи отъ Очакова. Разумѣется, при этомъ дѣло не обошлось безъ ошибокъ; Потемкинъ часто давалъ противорѣчащія одно другому приказанія, терялъ по напрасну много времени и людей, не хотѣлъ штурма, желая щадить солдатъ, и сильно заблуждался относительно настроенія умовъ въ Очаковѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Турки ждутъ только перваго благоприятнаго случая для добровольной сдачи крѣпости безъ боя. Вслѣдствіе этого осада, къ крайнему неудовольствію прочихъ генераловъ, съ самаго начала шла вяло; дѣло затянулось. Только изрѣдка случались серіозныя вылазки съ той и съ другой стороны. Потемкинъ уже въ іюлѣ мѣсяцѣ жаловался принцу де-Линю: „Этотъ поганый городъ мнѣ надоѣдаетъ“. Де-Линь отвѣтилъ: „Онъ еще болѣе надоѣстъ вамъ, если вы не возьметесь за дѣло, какъ слѣдуетъ. Сдѣлайте фальшивую атаку съ одной стороны, а съ другой — берите ретраншаменты штурмомъ, и крѣпость будетъ ваша“. Потемкинъ былъ огорченъ такимъ отвѣтомъ: онъ замѣтилъ, что овладѣть Очаковомъ мудренѣе, чѣмъ ту-

¹⁾ *Minerva*, 156.

рекою вѣрностью Сабацъ, занятою австрійскими войсками подъ командою самаго императора Иосифа еще весной того же года. Тогда, въ свою очередь, обидѣлся принцъ де-Линь. Онъ крѣко замѣтилъ Потемкину, что о подвигахъ Иосифа II слѣдуетъ говорить съ бѣдшимъ уваженіемъ, и что императоръ самъ при этомъ случаѣ выказалъ необыкновенное мужество, подвергая себя большой опасности. Потемкинъ хотѣлъ доказать, что въ отношеніи къ мужеству онъ нисколько не уступаетъ императору Иосифу, и на другой день, по случаю рожкоосцировки, подѣлкалъ довольно близко къ ретраншментамъ, гдѣ былъ осыпанъ градомъ пуль и ядръ. „Спросите принца де-Линя“, сказалъ онъ находившемуся при немъ графу Браницкому, „былъ ли императоръ при Сабацѣ храбрѣе меня?“¹⁾ Не смотри на такія выходки, скорѣе свидѣтельствующія о мелочности и тщеславіи, нежели о стратегическихъ способностяхъ князя, характеръ осады не измѣнился. Принцъ де-Линь въ іюль мѣсяцѣ писалъ, что еслибы Русскіе взяли за дѣло, какъ слѣдуетъ, Очаковъ былъ бы взятъ въ продолженіе одной недѣли: между тѣмъ, по медленности и нерѣшительности Русскіе, по словамъ его, походили сами на осажденныхъ. Турки же держались хорошо и не пропускали случая вредить нашимъ войскамъ, которыхъ терали много людей²⁾).

Въ этому времени относится столкновеніе Потемкина съ Суворовымъ, по случаю довольно значительной схватки между Русскими и Турками. Это послѣднее событіе должно считаться весьма прискорбнымъ, вопервыкъ потому, что было сопряжено съ большими для насъ потерями, вовторыкъ потому, что имѣло дѣйствиельно удаленіе Суворова изъ лагера.

Суворовъ съ своимъ отрядомъ паходился весной 1788 года на Кинбурнской косѣ, откуда, какъ онъ писалъ еще въ мартѣ 1788 года къ своей дочери, было слышно, какъ въ Очаковѣ „собаки лають и пѣтухи поютъ“³⁾. Уже весной онъ былъ весьма недоволенъ медлен-

¹⁾ См. письмо принца де-Линя, дѣйствиельно восхищавшагося хладнокровіемъ князя, въ *Oeuvres*, II, 71.

²⁾ *Oeuvres du prince de-Ligne*, II, 71—73.

³⁾ Въ другомъ письмѣ отъ 29-го мая онъ пишетъ: «Около насъ 100 кораблей, иной такой большой какъ Смольной; и на нихъ смотрю и купаюсь въ Черномъ морѣ съ солдатами». 2-го іюня онъ пишетъ: «Ахъ, теперь-то, Наташа, какой же у нихъ по ночамъ въ Очаковѣ вой; собачки поютъ волками, коровы лають, кошки блѣютъ, козы ревуть, а я сплю на косѣ. Она такъ далека въ морѣ въ дымѣ, какъ гуляю, слышу, что они говорятъ. Она такъ около насъ очень много, на такихъ превеликихъ лодкахъ; шесты большіе къ облакамъ,

ностью Потемкина. Еще въ апрѣлѣ предлагалъ онъ князю атаковать Очаковъ, но получилъ отказъ ¹⁾. Въ отвѣтъ своемъ Потемкинъ писалъ: „Я на всякую пользу тебѣ руки развязываю, но касательно Очакова попытка неудачная тѣмъ можетъ быть вредна болѣе, что теперь уже начинается дѣйствіе общихъ силъ; я не желалъ бы до пужды и флотиліи показываться, чтобъ она не приглядѣлась. Очаковъ непременно взятъ должно; я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобъ достался онъ дешево“. За то Потемкинъ старался успокоить Суворова надеждою, что на его долю выпадетъ взятіе Измаила: „По взятіи Очакова“, говорилъ онъ ему, „мой Александръ Васильевичъ съ отборнымъ отрядомъ пустится къ Измаилу, куда поведетъ и флотилію; и для этого подожди, пока я приѣду къ городу“ ²⁾.

Суворовъ въ письмахъ къ Попову жаловался на Потемкина, на его упрямство, на неумѣнье вести осаду ³⁾. О медленности главнокомандующаго Суворовъ говорилъ: „Не такъ бывали мы Поляковъ, не такъ бывали мы Турокъ; тѣмъ крѣпости не возьмешь, что станешь стоять предъ нею: послушались бы меня и давно бы Очаковъ былъ нашъ—штурмъ всего лучше и дешевле станеть!“ ⁴⁾.

Утверждаютъ, что де-Рибасъ, находившійся при Потемкинѣ, старался вредить Суворову въ глазахъ главнокомандующаго. Однажды вспыхнулъ споръ. Суворовъ настаивалъ на своемъ мнѣніи; Потемкинъ съ досадою воскликнулъ: „Онъ все себѣ хочетъ заграбить!“ Суворовъ въ крайнемъ негодованіи, узнавъ объ этомъ, написалъ де-Рибасу письмо, въ которомъ жаловался на наушниковъ, окружавшихъ князя, еще настойчивѣе предлагалъ бомбардировать крѣпость и сдѣлать брешь и выразилъ надежду, что крѣпость сдастся тогда сама собою ⁵⁾.

пологимъ на нихъ на версту. Видно, какъ табакъ курятъ, пѣсни поютъ заунывныя. На иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у насъ въ Смоленскѣ мухъ: красненькіе, зелененькіе, синенькіе, сѣренькіе. Оружія у нихъ такія большія, какъ камера, гдѣ ты спишь съ сестрицею». *Русскій Архивъ* 1866, ст. 235.

¹⁾ *Батмишъ-Каменискій*, III, 315 и слѣд.

²⁾ Жизнь князя Потемкина. Москва. 1812, IV, стр. 24.

³⁾ Суворовъ, между прочимъ, былъ недоволенъ тѣмъ, что Потемкинъ былъ окруженъ иностранцами. Онъ писалъ: «Если слушать общихъ прихотей, у меня нисколько ближе моя подмосковная. Енибурнъ не деревня барона Розена; имъ не Французы, мы Русскіе; я не наемникъ». Въ другой разъ онъ пишетъ: «Жгите, прошу васъ, мои письма у насъ всегда хоровадь трутисей».

⁴⁾ *Полевой*, 127—129.

⁵⁾ Любопытное письмо Суворова въ его біографіи *Полевого*, 129: «Pour l'angle

Не изъ личнаго тщеславія Суворовъ хотѣлъ сообщить осадѣ со-всѣмъ другой оборотъ, но и онъ своею стремительностью причинилъ нашей арміи довольно чувствительную потерю.

27-го іюля Суворовъ воспользовался вылазкою, сдѣланною Тур-ками, для того, чтобы, безъ согласія Потемкина, завязать большо-дѣло. Онъ безпрестанно посылалъ баталіонъ за баталіономъ занять сады, лежавшіе около самой крѣпости, такъ что весь лѣвый флангъ рус-скаго войска вступилъ въ битву. Однако, эти баталіоны много тер-пѣли отъ усилившихся подкрѣпленій Турокъ. И Энгельгардтъ, и другіе современники ¹⁾ полагали, что Суворовъ намѣревался, видя медленность военныхъ дѣйствій, заставить Потемкина этимъ сред-ствомъ рѣшиться на штурмъ, или самому съ своимъ корпусомъ на плечахъ Турокъ ворваться въ крѣпость ²⁾. Дѣло вышло, однако, со-всѣмъ иначе. Самъ Суворовъ былъ раненъ въ руку и потерялъ много народу; принцъ де-Линь, видя, что Турки сосредоточиваютъ всѣ свои силы на томъ мѣстѣ, куда была направлена атака четырехъ нашихъ баталіоновъ, и предполагая, что лѣвая часть турецкаго ретранш-мента вслѣдствіе этого почти вовсе должна быть лишена войскъ, старался уговорить князя Потемкина тотчасъ же правымъ крыломъ русскаго войска броситься на нее. Потемкинъ былъ въ страшномъ волненіи; сначала онъ вовсе не отвѣчалъ на запросы, сдѣланные прин-цемъ де-Линемъ черезъ одного австрійскаго, а затѣмъ и черезъ русскаго офицера. Принцъ увѣряетъ, что Потемкинъ въ эти минуты проли-валъ слезы, жалѣя о значительномъ числѣ убитыхъ солдатъ. Затѣмъ онъ на отрѣзъ отказалъ принцу. Послѣдній хотѣлъ-было обратиться къ князю Рѣпинну, но этотъ уже самъ успѣшилъ выручить войска Суворова и дѣйствительно успѣлъ въ этомъ предпріятіи.

Въ столицѣ не знали о размѣрахъ потери, съ которою было со-пряжено отважное предпріятіе Суворова. Хотя Потемкинъ въ офи-ціальномъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ назвалъ его „весьма кровопро-

rentrant de S. que j'aurais fait saillants, je vous jure, pour faire trembler Oczakow, qui ne m'aurait jamais appartenu, et c'est le ace себя заграбиль? On m'impute le projet de son bombardement, oui, j'étais de concert avec P. de Nassau, et S. ne peut pas comprendre, qu'on ne l'aurait pu assaillir avant une large brèche, qui aurait pu être faite avec une épreuve de loin et d'une distance hors de danger, ce que en cas d'impossibilité aurait été toujours compté pour un bombardement, mais qui sait, si dès les premiers coups, la ville sans soutien de terre et de mer ne se serait pas rendue? Voici le: ace себя заграбиль?-

¹⁾ *Masson, Mémoires secrets*, I, 300.

²⁾ *Энгельгардтъ, Записки*, 85.

летнымъ", но число убитыхъ и раненыхъ было показано гораздо ниже дѣйствительности (225 и 153). Въ дѣйствительности же потеря была болѣе 1.000 ¹⁾. Въ столицѣ осуждали образъ дѣйствіи Суворова ²⁾. Екатерина была весьма недовольна и запретила говорить объ этомъ дѣлѣ ³⁾, Суворовъ былъ тяжело раненъ въ шею ⁴⁾, но Потемкинъ въ официальномъ донесеніи упоминаетъ о его ранѣ какъ-бы мимоходомъ ⁵⁾.

Эпизодъ 27-го іюля показываетъ, въ какой степени въ русскомъ лагерѣ не доставало единства и дисциплины довѣрія къ главнокомандующему. Одинъ изъ генераловъ самовластно рѣшается на предпріятіе, которое могло удасться лишь при дружномъ дѣйствіи всѣхъ частей войска. Цѣлью сотни солдатъ гибнуть для того только, чтобы страшною опасностью, въ которой они находились, принудить главнокомандующаго къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но и это не удалось. Еслибы Потемкинъ взялъ увѣщаніямъ, то можетъ-быть, хотя и съ значительною потерей, онъ взялъ бы крѣпость; но онъ поступилъ иначе, и осада послѣ этого продолжалась еще болѣе четырехъ мѣсяцевъ, а штурмъ 6-го декабря былъ, по всей вѣроятности, болѣе кровопролитенъ, чѣмъ штурмъ 27-го іюля. Потемкинъ не воспользовался этою минутою, какъ говоритъ принцъ де-Линь, потому что жалѣлъ солдатъ, но кромѣ того, и самолюбіе останавливало его. Еслибы Очаковъ былъ взятъ 27-го іюля, это событіе было бы при-

¹⁾ Въ *Mimerva*, 161, говорится о 1.200, принцъ де-Линь упоминаетъ о 1.000, Сегюръ о 200 убитыхъ, III, 419.

²⁾ Сегюръ называетъ его «imprudent».

³⁾ Она выразила мнѣніе, что «Суворовъ, конечно, былъ пьянъ»; см. Зап. Храповицкаго, 14 августа 1788. Какъ видно изъ этой замѣтки, Потемкинъ не раньше 6-го августа отправилъ къ императрицѣ свое донесеніе. Интересно слѣдующее замѣчаніе Самойлова, въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., ст. 1250: «Судьба сохранила славу Суворова: не онъ, а посланный на его мѣсто повелъ войска къ отступленію».

⁴⁾ У *Полевого* сказано, будто Суворовъ во время дѣла умолялъ князя двинуться на крѣпость. Такъ какъ, безъ сомнѣнія, Суворовъ былъ раненъ въ началѣ дѣла, намъ кажется вѣроятнѣе, что не онъ, а де-Линь старался дѣйствовать на главнокомандующаго. Полевой говоритъ, что Русскіе подъ командою Суворова легко ворвались бы въ крѣпость, «ибо ретраншаментъ былъ уже въ рукахъ Русскихъ» (?), но то обстоятельство, что Суворовъ былъ раненъ, препятствовало успешному окончанію дѣла.

⁵⁾ Наканунѣ этого дѣла одинъ молодой Турокъ, бывший въ плѣну у Русскихъ и знавшій Суворова, спасся бѣгствомъ, и участвуя въ дѣлѣ, указалъ на него. *Smith*, I, 334.

писано отъ Вагъ Суворова, о которомъ Потемкинъ недавно еще замѣтилъ, что тотъ „хочетъ все себѣ заgrabить“. Теперь же Потемкинъ имѣлъ полное право обвинять Суворова, требовать отъ него отчета и даже могъ предать его военному суду за нарушение самыхъ строгихъ правилъ военной субординаціи. Въ страшномъ волненіи онъ написалъ ему записку, наполненную упреками; почеркъ руки этой записки свидѣтельствовалъ о раздраженіи князя. Почти не возможно было разобрать написанное ¹⁾. „Солдаты“, писалъ Потемкинъ, „такая драгоценность, что ими нельзя безполезно жертвовать. Ни за что, ни про что погублено столько драгоценнаго народа, что весь Очаковъ того не стоитъ. Странно, что при мнѣ мои подчиненные распоряжаются движеніями войска, даже не увѣдомляя меня о томъ“ ²⁾.

Около двухъ недѣль послѣ этого неудачнаго дѣла, съ Суворовымъ случилась другая бѣда. На Кинбурнской косѣ, около того мѣста, гдѣ лежалъ онъ раненный, чинили бомбы. Вдругъ произошелъ взрывъ. Къ счастью, еще не загорѣлся порохъ въ бочкахъ, находившихся вблизи, а то, какъ писалъ Потемкинъ императрицѣ, пропалъ бы весь Кинбурнъ и лагерь. Число убитыхъ при этомъ случаѣ показано Потемкинымъ въ 20 человекъ. Кромѣ того, было много раненыхъ, и между ними опять Суворовъ. Онъ былъ раненъ бомбою въ лицо, грудь и колѣно ³⁾. Оправившись немного, онъ отправился въ главную квартиру. Потемкинъ принялъ его весьма неблагоприятно и осналъ его упреками; Суворовъ попросилъ отпуска. Онъ писалъ къ Потемкину: „Есть мнѣ служба и въ другихъ мѣстахъ, по моей практикѣ и по моей степени“. Скоро послѣ этого онъ уѣхалъ ⁴⁾. Та-

¹⁾ *Smith*, 334. Энгельгардтъ въ запискахъ своихъ, стр. 85, рассказываетъ анекдотъ, впрочемъ, весьма сомнительный, будто Потемкинъ послалъ своего дежурнаго генерала, спросить Суворова: «Какъ онъ осмѣлился безъ позволенія завязать столь важное дѣло?» Суворовъ отвѣчалъ: «На камушки сажу и на Очаковъ гляжу».

²⁾ *Полевой*, 131. У *Виттманн-Каменскаго* другая записка Потемкина: «Мнѣ странно, что въ присутствіи моемъ дѣлается движеніе безъ моего приказанія пѣхотой и конницей... Извольте меня увѣдомлять, что у васъ происходитъ будетъ, а не такъ, что даже и не прислать мнѣ сказать о движеніи впередъ». *Словарь достопамятныхъ людей*, III, 315 и слѣд.

³⁾ Въ сочиненіи *Шмита* число убитыхъ показано 80, и между ними одинъ священникъ; стр. 337.

⁴⁾ У *Шмита* три письма Суворова нѣсколько запутаннаго содержанія; у *Виттманн-Каменскаго*, III, 315, письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Невинность не терпитъ оправданія. Всякій имѣетъ свою смету, такъ и по службѣ

кимъ образомъ кончилась его дѣятельность при осадѣ Очакова. При болѣе дружескихъ отношеніяхъ его къ Потемкину онъ могъ бы сдѣлать много и рѣшить взятіе крѣпости.

Въ какой мѣрѣ вяло и неудачно шла осада Очакова, видно изъ того обстоятельства, что Потемкину даже не удавалось отрѣзать отъ крѣпости Турокъ, находившихся внѣ лимана. Чтобы воспрепятствовать подвозу припасовъ и снарядовъ, слѣдовало употребить корабельный флотъ, находившійся въ Севастополь¹⁾, противъ турецкой эскадры Гассана-паши, но хотя и было сдѣлано распоряженіе объ этомъ, оно не достигло желанной цѣли. Севастопольскій флотъ оказался недостаточнымъ.

Тотчасъ же послѣ прибытія къ стѣнамъ Очакова, то-есть, именно въ то время, когда капуданъ-паша вслѣдствіе битвы въ лиманѣ былъ принужденъ къ отступленію, Потемкинъ призвалъ Севастопольскій флотъ. Контръ-адмиралъ графъ Войновичъ вышелъ изъ Севастополя 28-го іюня съ двумя линейными кораблями, двумя 50-пушечными и четырьмя 40-пушечными фрегатами и 24 мелкими судами, и 3-го іюля встрѣтилъ близъ острова Фидониси капуданъ-пашу, шедшаго отъ Очакова съ флотомъ, состоявшимъ изъ 17 линейныхъ кораблей, 8 фрегатъ, 3 бомбардирскихъ судовъ и 21 шебекъ. Турецкій адмиралъ, пылая мщеніемъ за поражение свое въ лиманѣ, атаковалъ Войновича. Сраженіе продолжалось отъ 2 до 5 часовъ вечера, и не смотря на превосходство силъ Турокъ, имѣло довольно выгодный для насъ исходъ²⁾.

я имѣю много. Мнѣ не переродиться, — и поздно! Святѣйшій князь, успокойте остатки моихъ дней! Шея моя не оцарапана, — чувствую сквозную рану, — тѣло изломано. Коли вы не можете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя. Добродѣтель всегда гонима и проч.». У Вантыша-Каменскаго сказано, что Потемкинъ забывъ прошедшее, называлъ въ письмахъ Суворова сердечнымъ своимъ другомъ, и призвалъ его снова къ Очакову, между тѣмъ какъ Суворовъ дѣйствительно былъ уволенъ, увѣхалъ изъ лагеря и оставался въ натянутыхъ отношеніяхъ къ князю. Чувствуя себя лучше, онъ въ послѣдствіи хотѣлъ возвратиться, но князь не желалъ его пріѣзда. Во время же пребыванія Потемкина въ Петербургѣ, послѣ взятія Очакова, друзья князя старались оклеветать Суворова предъ Екатериною, такъ что императрица замѣтила строго: «Перестаньте мнѣ говорить о Суворовѣ». *Полесой*, 133. 141. Только послѣ того какъ Екатерина пригласила Суворова въ Петербургъ, подарила ему брилліантовое перо на каску съ буквою К (Кинбурнъ), Потемкинъ счелъ нужнымъ снова объяснить его.

¹⁾ «Замѣтите», писала Екатерина къ Циммерману, извѣщая его о лиманскихъ битвахъ, — «что Севастопольскій флотъ совсѣмъ не участвовалъ въ сихъ двухъ сраженіяхъ». Сочиненія, III, 458.

²⁾ См. подробное описаніе битвы въ сочиненіи *Скаловскаго* объ Ушаковѣ I, 65—70.

Только два наши корабли и два фрегата имѣли артиллерію, соотвѣтственную непріятельской; всѣ же прочія суда не могли успѣшно дѣйствовать, по причинѣ малаго калибра своихъ орудій. Ночью Турки направились съ сѣверу, а затѣмъ къ Акъ-Мечетской бухтѣ; но русскій адмиралъ успѣлъ пресѣчь имъ путь и заставить ихъ удалиться на западъ къ Румелійскимъ берегамъ, послѣ чего русскій флотъ отправился въ Севастополь для исправленій ¹⁾.

Сраженіе при островѣ Фидониси однако не было и не могло быть побѣдою надъ Турками. Поврежденія турецкаго флота были ничтожны. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, капуданъ-паша былъ разбитъ, какъ говорится въ историческихъ разказахъ, составленныхъ по официальнымъ источникамъ, то русскій флотъ получилъ бы возможность прикрыть русскій лагерь при Очаковѣ, запереть входъ въ лиманъ и такимъ образомъ отрывать Очаковъ отъ турецкой эскадры. Ничего этого не было. Справедливо, поэтому, авторъ біографіи Ушакова, Скаловскій, замѣчаетъ: „Встрѣча съ турецкимъ флотомъ у острова Фидониси не имѣла никакихъ послѣдствій для дѣлъ командировавшаго и только побѣды принца Нассау доставили арміи существенную помощь, лишивъ на нѣкоторое время Очаковскій гарнизонъ морской защиты“ ²⁾.

Въ Петербургѣ реляція о битвѣ произвела хорошее впечатлѣніе. Особенно нравилось, что „капитанъ-паша съ его кораблемъ болѣе 40 минутъ не могъ держаться и выступилъ изъ линіи“, и что „потоплена турецкая шебека“ ³⁾. Императрица велѣла сообщить объ этомъ событіи графу Мусину-Пушкину, командовавшему тогда въ Финляндіи, очевидно — для ободренія солдатъ, сражавшихся противъ союзника Норты Густава III.

По удаленіи русскаго флота въ Севастополь, турецкій флотъ снова появился въ виду Очакова, и его вторичное прибытіе затрудняло осаду крѣпости. Войновичъ, опасаясь покушенія на Крымъ, не рѣшился удалиться и до поздней осени крейсировалъ у таврическихъ

¹⁾ Войновичъ былъ особенно доволенъ капитаномъ бригадирскаго ранга Ушаковымъ, командовавшимъ второю эскадрой, и писалъ ему: «Поздравляю тебя, батюшка Феодоръ Феодоровичъ, сего числа поступилъ несмы хабро; даятъ ты Капитану-пашѣ порядочный умицъ». Впрочемъ, по случаю рапортовъ объ этомъ дѣлѣ возникъ споръ между Войновичемъ и Ушаковымъ. См. соч. Скаловскаго стр. 71 — 72. Подробности объ этой битвѣ также и въ Исторіи Черноморскаго флота, въ Запискахъ Одесск. Общества.

²⁾ Зап. Храповицкаго, 26-го іюля.

³⁾ Официальное донесеніе въ С-Петербург. Вѣд. 1788 года, стр. 877.

береговъ. Притомъ онъ находилъ, что силы его недостаточны, чтобы совершенно отгѣснить Турокъ.

3-го августа капуданъ-паша съ 15-ю линейными кораблями подошелъ ко входу въ лиманъ, расположился на якорѣ въ десяти миляхъ отъ Очаковскаго берега и началъ строить на островѣ Березани сильныя укрѣпленія. Онъ высадилъ туда 400 человекъ гарнизона. Все указывало на намѣреніе его держаться въ избранной имъ позиціи до послѣдней возможности. Потемкинъ писалъ: „Капитанъ-паша дѣлаетъ большое препятствіе, прилѣпился къ Очакову какъ испанская муха¹⁾. Екатерина назвала это извѣстіе „неутѣшительнымъ“¹⁾.

Гассанъ-паша все еще оставался вѣдъ лимана, близъ острова Березани. Есть преданіе, будто послѣ взрыва бомбъ въ Кинбурнѣ, происшедшаго, какъ сказано выше, около 15-го августа, сераскиръ Очаковскій умолялъ его воспользоваться этимъ случаемъ—идти подъ Кинбурнъ, атаковать укрѣпленія, но капуданъ-паша остался на своемъ мѣстѣ.

Что же могъ онъ сдѣлать для Очакова? Былъ ли онъ въ состояніи, отъ августа до декабря, усилить гарнизонъ Очаковской крѣпости?

У Сегюра прямо сказано: „Медленность дѣйствій Потемкина довела капуданъ-пашѣ возможность явиться вновь со своимъ флотомъ, четвертая часть коего пробралась въ лиманъ и усилила Очаковскій гарнизонъ отрядомъ 6.000 человекъ“. Въ другомъ мѣстѣ Сегюръ говоритъ, что Гассанъ-паша, до отплытія въ Константинополь, высадилъ въ Очаковѣ еще 1.500 человекъ²⁾. У Итона также встрѣчается слѣдующая замѣтка: „Что небольшіе корабли, не смотря на Кинбурнскія пушки, могутъ безъ вреда пройти въ лиманъ, было доказано капуданъ-пашею. 22-го августа онъ отправилъ 22 мелкихъ судна съ 2.500 человекъ солдатъ и съ съѣстными припасами въ лиманъ, при вѣтрѣ, неблагоприятномъ для русской флотиліи. Они прошли благополучно: Русскіе не сдѣлали ни одного выстрѣла; два судна остались на якорѣ у города, остальныя вышли ночью опять изъ лимана. Если бы Русскіе заблаговременно построили свои батареи на самомъ концѣ Кинбурнской косы, Турки были бы принуждены, для проложенія себѣ пути въ лиманъ, взять прежде эти батареи. Изъ этого слѣдуетъ, что не столько Очаковскій, а Кинбурнскій мысъ долженъ счи-

¹⁾ Записки Храповицкаго, 14-го августа.

²⁾ *Mémoires*, III, 360 и 441.

таться ключемъ лимана¹⁾). Изъ этой замѣтки видно, что и припасы и войско были доставлены въ Очаковъ, и что Русскіе недостаточно укрѣпили Кинбурнскую косу. Быть можетъ, и тяжкая болѣзнь Суворова, вторично раненаго, останавливала успѣшныя дѣйствія русской артиллеріи въ Кинбурнѣ.

О прочихъ попыткахъ турецкаго флота пробраться въ лиманъ встрѣчаются слѣдующія показанія. Въ сочиненіи Скаловскаго²⁾ сказано, что, хоти 9-го сентября десять легкихъ турецкихъ судовъ, пользуясь темнотою ночи и сильнымъ попутнымъ вѣтромъ, успѣли прорваться къ Очакову, но на другой день всѣ онѣ были истреблены русскою флотиліей³⁾. Что вообще было сообщеніе между Очаковымъ и турецкимъ флотомъ, видно изъ слѣдующей замѣтки въ журналѣ барона Стала: „12-го октября турецкая флотилія, стоявшая въ Очаковской гавани, успѣла пробраться, подъ покровомъ темноты ночи, мимо нашего флота къ флоту капуданъ-паши“⁴⁾.

Вообще капуданъ - паша старался занимать Русскихъ. 20-го сентября онъ открылъ большую канонаду съ флота и съ острова Березани по русскому лагерю⁵⁾. Принцъ де - Линь пишетъ около этого времени, что капуданъ-паша показываетъ видъ, будто желаетъ высадить десантъ и напасть на русскій лагерь⁶⁾. Самъ Потемкинъ въ донесеніи своемъ говоритъ, что капуданъ-паша успѣлъ содѣйствовать сильнѣйшему укрѣпленію Очакова и острова Березани⁷⁾. Изъ всего этого видно, что осаждающіе не имѣли возможности устроить настоящую блокаду крѣпости. Не смотря на значительное число русскихъ войскъ, не смотря на флотилію, находившуюся въ лиманѣ, не смотря на батареи, построенныя и на Очаковскомъ, и на Кинбурнскомъ берегахъ въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, все-таки были случаи сообщенія между капуданъ - пашей и осажденною крѣпостью. Разумѣется, это могло затянуть дѣло на неопредѣленное время.

Однако, роль храбраго турецкаго адмирала кончилась все-таки довольно скоро. Онъ самъ нуждался въ припасахъ и людяхъ и требовалъ

¹⁾ *Gemälde des türk. Reiches*, 107.

²⁾ Объ Ушаковѣ, I, 74.

³⁾ Въ Исторіи Черноморскаго флота, въ *Зап. Одесскаго Общества*, IV.

⁴⁾ *Зап. Одесск. Общ.* и проч. VI, 597—601.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ *Osmores*, II, 321—323.

⁷⁾ *С.-Петербург. Вѣд.* 1788, стр. 1405.

изъ Константинополя присылки кораблей и припасовъ, но турецкая администрація, по своему обыкновенію, оказывалась несостоятельною. Въ Константинополѣ начали все громче порицать образъ дѣйствій Гассапа ¹⁾ и предвѣщали, что по возвращеніи онъ поплатится жизнью за свои неудачи.

До поздней осени капуданъ-паша оставался у Очакова, въ ожиданіи, что холодъ и ненастье заставятъ русскую армію снять осаду; но 4-го ноября онъ со всѣмъ своимъ флотомъ ушелъ въ море и 9-го прибылъ въ Константинополь ²⁾. Головы онъ не лишился, но потерялъ достоинство капуданъ-паши и былъ назначенъ сераскиромъ въ Измаилъ.

Между тѣмъ, положеніе осаждающихъ не измѣнялось ³⁾. Производились кое-какія мало удачныя фортификаціонныя работы въ русскомъ лагерѣ; Турки и Русскіе по временамъ дѣлали вылазки и старались вредить другъ другу.

Въ августѣ принцъ де-Линь пишетъ: „Я думаю, что теперь наконецъ началась осада Очакова, или по крайней мѣрѣ, воображаютъ себѣ, что осада началась. Сдѣланы четыре плохіе редута въ разстояніи 700 туазовъ отъ ретраншмента и 900 отъ города. Непріятель даже не счелъ нужнымъ стрѣлять по рабочимъ, хотя работы производились въ свѣтлыя, лунныя ночи. Говорятъ, что будутъ строить еще два редута поближе къ крѣпости и еще батарею въ 20 пушекъ“. Все это дѣлается по предположеніямъ низшихъ офицеровъ (de quelques subalternes), которые ничего не видѣли и вовсе не знаютъ дѣла.

Рекогносцировки и на водѣ, и на сушѣ продолжались. Хотя онѣ и были сопряжены съ большими опасностями, но не имѣли никакого результата. Довольно серьезная схватка произошла 18/29-го августа: Турки сдѣлали вылазку и атаковали батарею, которою командовалъ Кутузовъ. Онъ былъ раненъ пулею, вошедшею въ щеку и вылетѣвшею въ затылокъ. Всѣ полагали, что онъ не доживетъ до слѣдующаго дня, но опасность миновала. Солдаты бросились Туркамъ на встрѣчу, чтобъ отомстить за Кутузова, безъ разрѣшенія командовавшаго на томъ мѣстѣ Ангальта. Турки между тѣмъ получили подкрѣпленіе, и принцъ Ангальтъ, чтобы спасти первый батальонъ, долженъ

¹⁾ С.-Петербург. Вид. 1788 года, 1343 и 1497; 1789 года, стр. 82.

²⁾ Скаловскій, I, 75.

³⁾ Потемкинъ называлъ осаду Очакова осадой Трои. Записки Эмеллердта, 84.

былъ отправить второй. Онъ самъ при этомъ случаѣ получилъ контузію, а графъ Роже де-Дамасъ, французскій волонтеръ, былъ раненъ въ плечо. Ангальтъ потерялъ почти всѣхъ своихъ офицеровъ, но отстоялъ батарею и принудилъ Турокъ къ отступленію. Тогда еще большее число Турокъ возобновило вылазку, и Ангальтъ долженъ былъ продолжать битву,—его положеніе было довольно серьезно. Къ счастью, принцъ Нассау подоспѣлъ ему на помощь, и открывъ сильный огонь съ канонерскихъ лодокъ, принудилъ Турокъ къ отступленію. Потеря Русскихъ при этомъ случаѣ была весьма значительна.

30-го августа Русскіе произвели сильную канонаду противъ города, который въ разныхъ мѣстахъ загорѣлся. Между прочимъ, сгорѣлъ мучной складъ близъ Гассанъ-пашинской батареи ¹⁾. Ночью на 5-е сентября Турки опять сдѣлали вылазку, но были отбиты ²⁾.

Около этого времени Поль Джонсъ уѣхалъ изъ лагеря. Потемкинъ былъ недоволенъ имъ, потому что, обязанный блокировать Очаковъ со стороны лимана, онъ пропустилъ подвозъ припасовъ и людей къ крѣпости ³⁾ и не могъ сжечь суда, которыя были сожжены затѣмъ донскими казаками. Князь рѣшился отправить его въ Петербургъ подъ предлогомъ особаго порученія ⁴⁾.

Въ концѣ сентября или въ началѣ октября происходило засѣданіе военнаго совѣта, въ которомъ принцъ Нассау выразилъ мнѣніе, что непременно нужно сдѣлать брешь въ Очаковской крѣпости, и что онъ охотно взялъ бы на себя исполненіе этой задачи. Потемкинъ, не любившій принца и раздраженный, злобно спросилъ его: сколько такихъ брешей было сдѣлано имъ при осадѣ Гибралтара? Нассау ничего не отвѣчалъ, но этотъ эпизодъ имѣлъ слѣдствіемъ его отъѣздъ изъ лагеря. 3-го октября онъ отправился въ Варшаву ⁵⁾.

И принцъ де-Линъ счелъ болѣе удобнымъ удалиться. Хотя отношенія между нимъ и Потемкинымъ были довольно дружественныя,

¹⁾ *Minerva*, 162. Зап. *Храновицкаю*, 27-го сентября, о ничтожности донесеній Потемкина: «слышно только, что городъ неоднократно загорался».

²⁾ *Minerva*, 162.

³⁾ «Прозѣвалъ», «сонный», какъ сказано въ *Зап. Храновицкаю*.

⁴⁾ Зап. *Храновицкаю*, 26-го октября: «Онъ былъ храбръ изъ корысти, бывъ пиратомъ, но никогда многими судами не командовалъ; труситъ Турокъ; никто подъ начальствомъ его быть не хочетъ, и онъ самъ ни къ кому въ команду не идетъ».

⁵⁾ *Minerva*, 167. Зап. *Одесск. Общ.* и проч. IV, 283. Зап. *Хранов.*, 28-го октября: «Принцъ Нассау, послѣ неудачныхъ покушеній на капитанъ-пашу, поѣхалъ въ Варшаву подъ претекстомъ болѣзни».

тѣмъ не менѣе вѣчный контроль со стороны австрійскаго полковода-дипломата былъ въ тягость главнокомандующему. „Эти союзники“, писалъ онъ однажды, „мнѣ очень надоѣли; они во все вмѣшиваются, хотятъ все знать, а затѣмъ критикуютъ и осуждаютъ, не зная самаго дѣла основательно“¹⁾.

Принцъ де-Линь, которому страшно надоѣла неудачная и вялая осада, писалъ къ императору Іосифу въ концѣ октября о всеобщемъ ропотѣ и неудовольствіи въ русской арміи и о томъ, что всѣ лучшіе генералы готовы оставить лагерь. „Я уѣзжаю“, говоритъ онъ, „остаются только принцъ Ангальтъ и Василій Долгорукій. Теперь, лишь благодаря какому-либо отчаянному подвигу, можно будетъ овладѣть Очаковымъ. Нужно же, наконецъ, избавиться отъ снѣга и грязи, въ которые мы со дня на день все болѣе и болѣе погружаемся. Браницкій уѣхалъ въ свое помѣстье, Нассау—въ Петербургъ, Георгій Долгорукій въ Москву, Ксаверій Любомірскій и Соллогубъ въ Польшу, другіе генералы—Богъ знаетъ куда: имъ всѣмъ здѣсь было тошно (ils sont tous dégoutés), и они почти больны... Потемкинъ хотѣлъ взять турецкое судно, но не успѣлъ. Князь весь день былъ въ страшной меланхоліи и ипохондріи и со мною обращался, даже въ присутствіи другихъ лицъ, весьма неласково. Вечеромъ я съ нимъ простился. Онъ былъ тронутъ, долго держалъ меня въ объятіяхъ и съ трудомъ разстался со мною, вновь и вновь обнимая меня. Уѣзжая отсюда, я долженъ отдать полную справедливость хорошимъ качествамъ князя, его уму, любезности, такту (если онъ только хочетъ показать оныя), благородству, мужеству, великодушію и даже гуманности. Мы разстались неохотно. Но я не могу вынести долге здѣшней жизни, худой пищи, худого вина, худой воды, худого воздуха, мороза, скуки. Мнѣ надоѣло въ продолженіе цѣлаго года не видѣть ничего, кромѣ степи и моря“²⁾.

Между тѣмъ Русскимъ удалось устроить блокадную линію по рѣдѣ, и Очаковъ былъ окруженъ съ берега войсками, а съ моря судами³⁾. Гассанъ-паша, какъ уже сказано, 4-го ноября удался съ флотомъ. Его отсутствіе дало возможность атаковать сильно укрѣпленный островъ Березань. Казаки, храбро взлѣвая на берегъ, бросались на непріятельскія батареи и довольно быстро завладѣли островомъ. Изъ

¹⁾ *Smith, Suworow, I, 331.*

²⁾ *Oswers, II, 81—83.*

³⁾ Ист. Черном. флота, въ *Зап. Одесск. Общ.*, IV, 284.

турецкаго гарнизона осталось въ живыхъ 300 человекъ, которые от-
дались въ плѣнъ; убитыхъ Турокъ въ официальномъ донесеніи пока-
зано 100; за то Русскіе имѣли будто не болѣе 29 человекъ убитыми
и ранеными вмѣстѣ. Но эта цифра кажется слишкомъ низкою ¹⁾. Въ
фортѣ были найдены значительные припасы: 23 пушки, 1.150 ядеръ,
150 бочекъ съ порохомъ и мукой, ячменемъ и пшеницею. За взя-
тіе острова восемь русскихъ офицеровъ были награждены золотыми
шпагами. Печальная участь постигла нашу, командовавшаго въ Бе-
резани. Русскіе предлагали ему уѣхать въ Петербургъ и оставаться
тамъ; онъ же предпочелъ отправиться въ Константинополь, гдѣ и
былъ казненъ ²⁾.

12-го ноября была опять сильная вылазка Турокъ. При этомъ
случаѣ было 40 убитыхъ, въ томъ числѣ генералъ-маіоръ Максимо-
вичъ, и 70 раненыхъ Русскихъ. Битва продолжалась два часа. Не-
приятель былъ отброшенъ, оставивъ на полѣ 50 человекъ убитыми ³⁾.

V.

Взятіе Очакова.

Страшное положеніе русскаго войска. — Неудовольствіе въ Петербургѣ. —
Штурмъ. — Сужденія объ этомъ событіи.

Уже на пути къ Очакову, какъ кажется, между нашими солда-
тами явились болѣзни ⁴⁾; изъ ордеровъ Потемкина видно, что уже
тогда число больныхъ было весьма значительно ⁵⁾. Въ Петербургѣ

¹⁾ Тамъ же. *С.-Пет. Вид.* 1788 г., 1406.

²⁾ *Минска*, I. с. 163. *Самойловъ* въ своей біографіи Потемкина, въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., ст. 1251, говоритъ, что въ Березани взяли въ плѣнъ 700 чело-
вѣкъ.

³⁾ *Сталъ* въ *Зап. Одесск. Общ. и проч.*, VI, 601.

⁴⁾ *Зап. Храповицкаго*, 4-го февраля 1789 г.: «Возвратился Петръ Ивановичъ
Турчаниновъ. По словамъ его они все были здоровы, но стали хворать въ Кре-
менчугѣ».

⁵⁾ См. *Зап. Одесск. Общ. и проч.*, II, 657. Что и въ слѣдующіе годы число
больныхъ было большое, видно изъ слѣдующей записки къ Фалтееву отъ 6-го
іюля 1790, тамъ же, II, 675: «А теперь только скажу о числѣ умершихъ, кото-
рыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставлять людей,
еще ихъ морятъ какъ нарочно. Вамъ бы надлежало доносить мнѣ правду. А
я не знаю какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину. Я опредѣлялъ
людей на работу, да еще съ заплатаю, а изъ сего сдѣлали каторгу. И по не-
счастію: какъ всегда мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто
того мучать другіе, а потакаете вы».

ходили слухи, что третья часть войска Потемкина сдѣлалась жертвою болѣзней ¹⁾).

Зима 1799/89 года была необыкновенно холодна. Такой зимы въ тѣхъ мѣстностяхъ никто не помнилъ ²⁾). Рѣки замерзли, а также и лиманъ предъ Очаковымъ ³⁾, такъ что цѣлыя колонны могли переходить по льду ⁴⁾. Оказался чувствительный недостатокъ въ топливѣ. Въ разказахъ, составленныхъ по официальнымъ даннымъ, не встрѣчается столь мрачныхъ показаній о смертности въ лагерѣ Потемкина. За то Энгельгардтъ въ своихъ запискахъ говоритъ слѣдующе: „Взятіе Очакова стоило очень дорого, потеря людей была чрезвычайно значительна не убитыми, но отъ продолжительной кампаніи; зима, наставшая въ томъ краѣ ранѣе и холоднѣе обыкновеннаго, изнурила людей до того, что *едва четвертая часть осталась отъ многочисленной арміи*, а кавалерія потеряла почти всѣхъ лошадей“ ⁵⁾).

Какъ бы то ни было, недостатокъ въ припасахъ и морозъ значительно содѣйствовали рѣшимости Потемкина взять Очаковъ приступомъ. Но была и другая причина: въ Петербургѣ стали смотрѣть на него косо.

¹⁾ *Séjour*, Tableau se 160. Les maladies avaient emporté un tiers de son armée. См. любопытный документъ въ описаніи дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства, сост. *Энгельм.* Вильна, 1869 г., I, 5—7. Мы не можемъ при этомъ случаѣ умолчать о замѣткѣ у *Массона*, Mémoires secrets, III, 382: «Французскій врагъ Массо (Massot), осмотрѣвъ лагерь Потемкина, нашелъ тамъ аптеки безъ лѣкарствъ, докторовъ безъ хирургическихъ инструментовъ; перевязокъ и корпіи не было. За столомъ Массо заговорилъ объ этомъ и требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, приготовили корпію. Потемкинъ, смѣясь, отвѣтилъ, что корпіи не нужно, что раненыхъ не будетъ. На другой день былъ штурмъ Очакова. Въ полчиса оказалось около 18.000 (!) раненыхъ. Нужно было купить у одного Еврея полотно».

²⁾ Еще нынѣ иногда поговариваютъ объ «Очаковскомъ морозѣ».

³⁾ Зап. *Энгельгардта*, 91.

⁴⁾ *Самойловъ*, въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., стр. 1251.

⁵⁾ У *Колотова*, Жизнь Екатерины II, IV, 3—4, сказано: «Снѣгъ и ледъ въ такомъ климатѣ, каковъ южный, много содѣйствовалъ съ нами; дурная погода, особенно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дѣлала сію осаду страшною и невозможною для всякой другой арміи въ свѣтъ. Окостенѣвшій отъ мороза солдатъ едва могъ держать ружье и для прикрытія себя имѣлъ только земляную набулку. Но храбрость и мужество преодоляла всѣ препятствія». И *Самойловъ* замѣчаетъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., ст. 1251: «Холодъ былъ необыкновенный, но войска ничего не терпѣли; солдаты въ траншеяхъ имѣли шубы, шапки и кенъги; испеченную пищу и винную порцію, пушкъ горячій изъ Римскаго бальзама, который пили офицеры и генералы».

Екатерина была очень недовольна медленнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій. Въ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ, особенно же къ Пруссіи и Англіи, которыя покровительствовали Порта и Швеціи, взятіе Очакова должно было считаться большою выгодой. Она сама за годъ тому назадъ видѣла колоссальныя приготовленія къ войнѣ, теперь же все это оказывалось недостаточнымъ. По временамъ она теряла терпѣніе. Къ тому же Потемкинъ недостаточно часто доставлялъ въ Петербургъ рапорты о ходѣ дѣлъ. Иногда случалось, что въ донесеніяхъ его не находилось никакихъ свѣдѣній объ Очаковѣ ¹⁾. Между тѣмъ, каждый день ждали извѣстій о взятіи крѣпости ²⁾. Императрица была въ волненіи и почти больна отъ ожиданія ³⁾.

Въ началѣ ноября былъ отправленъ рескриптъ къ князю Потемкину съ совѣтомъ взяться, наконецъ, энергически за дѣло ⁴⁾. Державинъ увѣряетъ, что въ это время „при дворѣ были весьма дурные толки о Потемкинѣ, и едва ему не отказано отъ команды“ ⁵⁾. Въ срединѣ ноября, наконецъ, были получены болѣе благопріятныя извѣстія отъ Потемкина, который писалъ, что атака идетъ успѣшнѣе ⁶⁾. Императрица то надѣялась, то унывала и падала духомъ ⁷⁾.

Нужно полагать, что Потемкину хорошо было извѣстно настроеніе умовъ въ Петербургѣ. Его положеніе при дворѣ, дальнѣйшее до-

¹⁾ Зап. Храповицкаго, 8-го октября: «Реляція отъ Потемкина отъ 29-го сентября, но объ Очаковѣ ни слова».

²⁾ Тамъ же, 15-го октября: «Изволили сказывать, что хотя нѣтъ писемъ, но есть прѣзвѣій, который сказывалъ, что Очаковъ на ниткѣ виситъ».

³⁾ Тамъ же, 26-го октября: «Жаловались болью поясницы. Я сказалъ: отъ погоды». «Нѣтъ отъ Очакова, который вчера или сегодня берутъ, j'ai souvent de tels pressentiments». «Въ самомъ дѣлѣ прѣзжалъ къ обѣду курьеръ отъ князя Гр. А. Потемкина-Таврическаго съ извѣщеніемъ о побѣдахъ Текелія (на Кавказѣ) и съ планомъ Очакова, гдѣ назначена осада».

⁴⁾ Тамъ же, 4-го ноября: «Рескриптъ къ князю Потемкину съ надеждою о скоромъ взятіи Очакова».

⁵⁾ См. Соч. Державина, изд. Грота, I, 232.

⁶⁾ Зап. Храповицкаго, 19-го ноября 1788.

⁷⁾ Тамъ же, 26-го ноября: «Читая рапортъ Черткова изъ Воронежа, отъ 15-го ноября, что Донъ замерзъ, вспомнили объ Очаковѣ. «Je connais mon honneur, но не сказывай никому, je sais que son honneur y est attaché, но все-таки на умъ приходитъ Очаковъ». 29-го ноября: «Камердинеры сказывали, что плакали и рано проснулись. Мнѣ объявить изволила, что казаки взяли острогъ Верезанъ и показывала планъ». «Чтобъ взяли скорѣе Очаковъ, многое пережмется; подлинно годъ високосный, но надежда на Божию помощь, которая видна была при Фридрихсгамѣ».

вѣріе къ нему Екатерины, награды, почести, все это зависѣло отъ взятія Очакова; но онъ все еще ожидалъ добровольной сдачи города. Есть преданіе, что паша Очаковскій питалъ эту надежду въ Потемкинѣ и иногда посылалъ въ русскій лагерь Жидовъ и Армянъ, которые распускали слухъ, что въ городѣ хотять сдаться, и что лишь паша этому противится. Кромѣ того увѣряли, будто Потемкинъ ждалъ изъ Франціи подробнаго плана укрѣпленій, чтобъ идти на приступъ ¹⁾. Намъ не извѣстно, получилъ ли Потемкинъ этотъ планъ, или нѣтъ; но подѣ конецъ, онъ долженъ былъ рѣшиться, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій войска, надѣявшася, что взятіе города поправитъ его положеніе.

^{5/16}-го декабря дежурный генералъ Рахмановъ объявилъ главнокомандующему, что на другой день нѣтъ болѣе ни одного куска топлива; оберъ-провіантмейстеръ, съ своей стороны, прибавилъ, что съѣстные припасы совершенно истощены, и что хлѣба не хватитъ даже на одинъ день. Тогда Потемкинъ рѣшился на приступъ, велѣлъ обѣщать солдатамъ добычу, даже пушки и казну, которая будутъ взяты въ Очаковѣ. Солдатамъ была роздана остальная водка, съ примѣсью испанскаго перцу ²⁾. Благодаря морозу, оказалось возможнымъ атаковать крѣпость и прямо со стороны лимана.

Предоставляя специалистамъ военной исторіи описаніе штурма Очакова, мы укажемъ лишь на нѣкоторыя выдающіяся черты и эпизоды этого событія. Участвовавшихъ въ штурмѣ было не болѣе 14.000 ³⁾. Потемкинъ раздѣлил свое войско на нѣсколько колоннъ. 6-го декабря, въ 6 часовъ утра, солдаты двинулись впередъ въ глубокой тишинѣ. Четыре колонны подѣ начальствомъ князя Рѣпина атаковали крѣпость съ западной стороны, двѣ колонны подѣ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Меллера съ востока. Колонна генералъ-маіора Палена въ 2.000 человекъ, заняла Гассанъ-пашинскую батарею ⁴⁾, гдѣ было найдено 300 человекъ Турокъ. Отсюда Паленъ пошелъ далѣе, и занявъ укрѣпленное возвышеніе, взялъ въ плѣнъ 1.500 Турокъ. Колонна подѣ начальствомъ генерала Вайкова заняла форштадтъ и

¹⁾ Жизнь князя Потемкина, Москва, 1812, стр. 139.

²⁾ Есть преданіе, что солдаты были такъ одушевлены, что даже больные изъ лазаретовъ сказались здоровыми, чтобъ участвовать въ штурмѣ. *Gesch. d. österr.-turk. und russ. Krieger.* 1792. стр. 122.

³⁾ *Smitt, Suworow*, I, 345.

⁴⁾ *Minerva*, 170. Вообще въ разказѣ Гельбига встрѣчаются любопытныя подробности объ этихъ событіяхъ.

оттуда старалась проникнуть въ городъ. Колонна Самойлова взошла на брешь и овладѣла брустверомъ. При этомъ артиллерійскіе офицеры изъ рвенія составили первый рядъ бомбардирскаго дивизиона и взошли по лѣстницамъ. Бригадиръ Горичъ былъ убитъ; три сына генерала Меллера были ранены. Ожесточеніе Русскихъ росло потому, что Турки и тогда, когда уже пельзя было спасти городъ, зажигали мины ¹⁾. Вслѣдствіе этого гибло множество нашихъ солдатъ; спасшіеся сѣвши отомстить за своихъ товарищей. Во время штурма былъ такой морозъ, что текшая изъ ранъ кровь тотчасъ же замерзала ²⁾.

Что касается до самого Потемкина, то есть преданіе, будто онъ во все время кровопролитія сидѣлъ на батареѣ, подперши голову рукой, и повторялъ постоянно: „Господи помилуй“ ³⁾. Во время самого дѣла часто можно было сомнѣваться въ успѣхѣ. Послѣ страшныхъ усилій и потерь ⁴⁾, Русскіе наконецъ утвердились въ крѣпости и бросились въ городъ. Особенно храбро сражались Самойловъ, Ангальтъ, Роже де Дамасъ и пр.

Число убитыхъ Турокъ по показаніямъ Русскихъ было около 8.000, 4.000 было взято въ плѣнъ ⁵⁾. Что же касается до нашихъ потерь, то очевидецъ Самойловъ удивляется, что „многіе не вѣрили, что

¹⁾ Самойловъ, въ Русскомъ Архивѣ 1867 года, ст. 1.254. Авторъ сочиненія Жизнь князя Потемкина, Москва, 1812, стр. I, 154 и III, 54, изъ того обстоятельства, что столько русскихъ солдатъ погибло отъ взрыва минъ, выводитъ заключеніе о незнакомствѣ Потемкина съ топографіей Очакова.

²⁾ Соч. Державина, изд. Грота I, 484.

³⁾ Надеждинъ, въ Одесск. Альманахѣ 1839, стр. 68.

⁴⁾ Сенюръ, пишетъ въ своихъ мемуарахъ, III, 441: «Dix fois les Russes repoussés reviennent avec fureur».

⁵⁾ Письмо Потемкина къ Каховскому въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. II, 742: «Вонство, которымъ я имѣлъ честь командовать, оказало при томъ случаѣ опыты безпримѣрнаго мужества и неустрашимости. Турки... всюду сломлены и опровержены. Волѣе 8.000 ихъ погибло. Знатное число досталось въ плѣнъ съ нашею, болѣе 300 взято артиллеріи». Къ Екатерину писалъ Потемкинъ: «Волѣе 6.000 взято въ плѣнъ, но изъ числа ихъ многіе отъ ранъ и жестокости мороза погибли. Однихъ чиновниковъ съ трехъ-бунгужныхъ Руссейнъ-нашею взято 452. Артиллеріи найдено въ крѣпости и ретраншментѣ 309 орудій, 170 знаменъ, множество другихъ троесевъ. Солдаты обогатились знатною добычею... Штурмъ Очакова не только знаменитъ успѣхомъ, но и по точности, съ какою все исполнено. Я смѣю могу ваше И. В. увѣрить, что съ гакимъ порядочнымъ строемъ еще въ вашей арміи никакого дѣла не было. Отдавъ справедливость служившимъ подо мною генераламъ и войску, себя считаю счастливымъ и пр.» Изъ Решетилловскаго Архива, въ Русскомъ Архивѣ 1865 года, стр. 536.

Русскихъ убитыхъ было не болѣе 2.000¹⁾, и намъ эта цифра кажется слишкомъ незначительною; но и цифры, сообщаемыя въ сочиненіяхъ иностранцевъ-современниковъ, не заслуживаютъ довѣрія²⁾.

Грабежъ и кровопролитіе въ городѣ продолжались три дня³⁾. Добыча была громадна. „Солдаты продавали жемчугъ полными рукавицами“. Червонцы ходили по 50 копѣекъ; о серебрянныхъ деньгахъ и не помышляли; купеческихъ товаровъ, жемчугу, золотыхъ и серебрянныхъ уборовъ, одеждъ было чрезвычайно много, а также мелкаго оружія: пистолетовъ, сабель, кинжаловъ, стрѣлъ и проч., ими было снабжено нѣсколько тысячъ человекъ легкаго войска, и сверхъ того, это оружіе продавалось цѣлыми возами. На долю Потемкина достался, между прочимъ, великолѣпный изумрудъ величиною въ куриное яйцо, который онъ подарилъ императрицѣ. Екатерина носила этотъ драгоценный камень на шеѣ въ медальонѣ⁴⁾.

Объ обращеніи Потемкина съ плѣннымъ Гуссейнъ-пашею существуютъ различныя преданія. Самойловъ утверждаетъ, что Потемкинъ велъ себя весьма благородно, признавая, что паша согласно съ инструкціей, которую имѣлъ отъ султана, не могъ сдаться; онъ велѣлъ отыскать его чалму, которую паша при вторженіи 6-й колонны на площадь „отъ торопливости“ потерялъ⁵⁾. По другому преданію, Потемкинъ, увидѣвъ пашу, грозно закричалъ на него, упрекая, что его упрямство было причиною столь ужаснаго кровопролитія, на что будто Гуссейнъ спокойно отвѣтилъ: „Я исполнилъ свой долгъ, какъ и ты. Судьба рѣшила въ твою пользу“⁶⁾.

Турецкіе труны были вывезены на взморье, зарыты въ кучи сѣнга и брошены въ проруби, ибо зарывать въ землю было трудно по причинѣ мерзлой земли⁶⁾.

¹⁾ *Зап. Одесск. Общ.*, IV, 284. Потемкинъ къ Каховскому: «Нашъ уронъ простирался убитыми и ранеными до 2.000». Самойловъ говоритъ, что раненыхъ было мало, потому что штурмъ не есть полевое сраженіе». *Русскій Архивъ* 1867, ст. 1258.

²⁾ Если вѣрить *Кастеръ*, II, 155.

³⁾ *Minerva*, 174. Жизнь князя Потемкина. Москва, 1812, стр. 153. Самойловъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года, ст. 1254. Сколько наличныхъ денегъ найдено въ Очаковѣ, видно изъ того обстоятельства, что голландскіе червонцы ходили по 2 рубля и ниже, турецкій левъ 30 копѣекъ, турецкій червонецъ 1 рубль. См. Жизнь князя Потемкина. 1812. III, 53.

⁴⁾ Самойловъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., 1257.

⁵⁾ *Smitt*, Suwogow, I, 348.

⁶⁾ Самойловъ, 1258. *Minerva*, 172.

Извѣстному художнику Казановѣ Потемкинъ поручилъ написать двѣ картины, изображающія штурмъ Очакова. Эти картины были назначены для графини Браницкой и для столовой въ Таврическомъ дворцѣ ¹⁾). Державинъ и Петровъ сочинили оды на взятіе Очакова ²⁾).

Извѣстіе объ этомъ событіи въ Петербургѣ произвело глубокое впечатлѣніе. Его привезъ подполковникъ Бауръ 15 декабря, вечеромъ въ 7 часовъ; 2.100 верстъ проѣхалъ онъ въ 9 дней. Императрица, которая въ тотъ день чувствовала себя не совсѣмъ здоровою, была уже въ постели при полученіи важной депеши. Она тотчасъ же встала и на картахъ написала къ великому князю и къ разнымъ вельможамъ: „Очаковъ взять!“ На другой день она сказала, что взятіе Очакова вылѣчило ее отъ болѣзни ³⁾). Потемкинъ писалъ, что хотѣлъ было уже въ Екатерининъ день подарить императрицу Очаковымъ, но не все еще было готово. Храповицкій 17-го декабря пишетъ: „Послѣ взятія Очакова примѣтна въ Ея Величествѣ возрастающая надежда“ ⁴⁾). Между тѣмъ Екатерина позаботилась о щедрыхъ наградахъ побѣдителямъ. Потемкинъ получилъ Георгіевскій крестъ, жезлъ, медаль, похвальную грамоту и 100.000 рублей на окончательную отстройку дома ⁵⁾). Штабъ и оберъ-офицеры получили золотые кресты на Георгіевской лентѣ съ надписью „за службу и храбрость“, а на другой сторонѣ: „Очаковъ взятъ 6-го декабря 1788 года“. Нижнимъ чиномъ розданы серебряныя медали ⁶⁾).

Болѣе, чѣмъ этими наградами, польщенъ былъ князь Потемкинъ тѣмъ, что императрица и теперь старалась защитить его отъ упрековъ въ чрезмѣрной медлительности. Она писала къ Циммерману: „Князь предпринималъ всѣ способы такъ, какъ и должно, прежде не-

¹⁾ Одна изъ этихъ картинъ была гравирована на стали; см. *Minerva*, 173. Массовъ видѣлъ ее въ Таврическомъ дворцѣ. *Mémoires secrets* I, 93.

²⁾ См. прекрасныя оды Державина «Осень во время осады Очакова» и «Побѣдителя», въ изд. *Гротта*, I, 222—230 и 231—235.

³⁾ *Minerva*, 175.

⁴⁾ По случаю благодарственного молебна Екатерина простудилась. См. Зап. Храповицкаго, 18-го декабря. Потемкинъ обѣщалъ чрезъ пять дней прислать обстоятельную реляцію, но она пришла, однако, гораздо позже. Рахмановъ пріѣхалъ съ этимъ донесеніемъ не ранѣе 30-го декабря. Зап. Храповицкаго 30-го и 31-го декабря 1788 и 2-го января 1789 гг.

⁵⁾ Зап. Храповицкаго, 14-го апрѣля 1789. *Minerva*, 1799. I, 166.

⁶⁾ Зап. *Эльгардта*, 93. Зап. Храповицкаго, 19-го апрѣля 1789: «Иностранныя министры завидуютъ даже произведенію и награжденіямъ за Очаковъ. Завидуютъ, что такъ награждать не могутъ».

жели приступилъ штурмовать сію крѣпость. Удобнѣйшее время къ сему конечно было то, когда лиманъ, покрывшись льдомъ, сдѣлалъ приморскую сторону не приступною къ доставленію помощи осажденнымъ, сверхъ же того, и по взятіи города давалъ время взять нужныя предосторожности для будущаго. Но нетерпѣливость горячихъ головъ и молодыхъ храбрыхъ людей, также полуголовъ, не видавшихъ далѣе своего носа, трехчетвертныхъ головъ, толкующихъ криво, завистниковъ, враговъ явныхъ и тайныхъ, все сіе въ подобномъ случаѣ конечно есть дѣло самое непріятное, и отъ всего онаго чрезвычайно много должны были терпѣть твердость и постоянство фельдмаршала. Въ моихъ глазахъ дѣлаетъ ему честь величайшую то, что онъ въ числѣ другихъ великихъ и похвальныхъ качествъ имѣеть еще и способность прощать непріятелямъ, дѣлать имъ добро и такимъ образомъ умѣеть торжествовать надъ своими противниками. Сей разъ побилъ онъ Турокъ и злословниковъ въ полтора часа¹⁾. Также и позже, когда Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Екатерина вслѣдствіе старалась выказать ему свое удовольствіе²⁾.

Тѣмъ не менѣе въ публикѣ сохранилось убѣжденіе, что Потемкинъ могъ бы взять Очаковъ и гораздо ранѣе, не потерявъ такого громаднаго числа людей. Самъ князь счелъ нужнымъ оправдываться въ бесѣдѣ съ Сегюромъ. Онъ объяснялъ медленность свою тѣмъ, что не ожидалъ такъ скоро войны съ Турціей и долженъ былъ охранять длинную пограничную линію отъ нападенія непріятеля; что перемѣщеніе войскъ въ степяхъ со всѣмъ багажемъ представляетъ великія затрудненія, и что вообще же онъ сдѣлалъ все, что было возможно³⁾.

¹⁾ Колотовъ, IV, 4--5.

²⁾ Зап. Храповицкаго, 26-го января 1789 г. «Князю Г. Г. Орлову за чужою сдѣланымъ мраморнымъ воротомъ, графу П. А. Румянцеву-Задунайскому поставленнымъ были триумфальныя въ Коломнѣ, а князю Г. А. Потемкину-Таврическому совѣщанію позабыла» (слова Екатерины). Ваше Величество такъ знать его изволите, что сами никакого разчета не дѣлаете. «То такъ; однако же все человекъ, можетъ быть, ему захочется». Приказано въ Царскомъ Селѣ иллюминировать мраморныя ворота, и украситъ морскими и военными арматурами, написать въ транспарантахъ стихи, кои выбрать изволила изъ оды на Очаковъ Петрова. Тутъ при вѣнцѣ лавровомъ будетъ въ верху: «Ты въ плескахъ видишь въ храмѣ Соєин». (Екатерина замѣтила): «Ничего сказать не могутъ, ибо въ Соєинъ есть Соєинскій соборъ»; но онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царьградѣ, о томъ только не вдругъ мнѣ скажите». — Нѣкоторыя данныя о приготовленіяхъ къ пріѣзду Потемкина въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., 1505.

³⁾ *Sigur*, III. 151.

Въ послѣдствіи родственникъ Потемкина Самойловъ, описывая его жизнь, старался оправдать его слѣдующими соображеніями: 1) нужно было сперва усовершенствовать гребной флотъ, чтобъ имѣть преимущество на лиманѣ; 2) нужно было принудить Турокъ не смѣть являться въ лиманѣ; 3) подвести артиллерію; 4) нельзя было препятствовать капуданъ-пашѣ подвозить въ крѣпость снаряды и подкрѣплять гарнизонъ людьми свѣжими; но изыскавъ наконецъ мѣры препятствовать ему дѣлать такія подживленія силъ, уже время позволило ожидать его удаленія съ флотомъ; 5) Потемкинъ не хотѣлъ рисковать; 6) отъ приступа зависѣлъ успѣхъ всей войны и цѣлость Крыма; 7) Потемкинъ желалъ сберечь людей ¹⁾.

Освѣтъ иначе рассуждаетъ Энгельгардтъ въ своихъ запискахъ: „Свѣтлѣйшій князь, жалѣя людей, рѣшился на штурмъ по необходимости поздно; если бы штурмъ данъ былъ тотчасъ послѣ отбытія турецкаго флота, то потеря была бы въ половину менѣе; расчетъ самый невѣрный для сбереженія людей—поздняя кампанія, а особливо въ мѣстахъ, гдѣ продовольствіе такъ затруднительно и есть лишеніе всѣхъ нужныхъ потребностей. Филантропія не всегда бываетъ кстати“ ²⁾.

Послѣ взятія Очакова Екатерина могла думать о выгодныхъ условіяхъ мира. Не только Крымъ безусловно оставался за нею, но и Очаковская область могла быть присоединена къ ея владѣніямъ. Самому Очакову не было суждено играть дальнѣйшую роль въ исторіи. Только отчасти и не на долго городъ былъ отстроенъ вновь послѣ страшнаго разрушенія. Рейдъ оказался неудобнымъ; торговые обороты города въ слѣдующіе годы были ничтожны ³⁾. Очаковъ мало по малу исчезъ. Нѣсколько хатъ, церковь — прежняя мечеть — и часть стѣны, на которой еще видѣются слѣды русскихъ ядеръ, вотъ что видно теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла некогда гордая турецкая твердыня ⁴⁾.

Екатерина вполне понимала значеніе взятія Очакова. 5-го января 1789 года она замѣтила: „Король Англіи болѣе хуже прежняго; Прусскій король продолжаетъ свои интриги; король Испаніи умираетъ; Польскій сеймъ продолжаетъ шумѣть — но все это ничего не значить. Оча-

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1867 г., стр. 1260.

²⁾ *Зап. Энгельгардта*, стр. 93.

³⁾ *Georgi, Beschreibung des Russischen Reichs*, II, 858.

⁴⁾ *Smitt, Saworow*, I, 350.

ковъ взять. Было выгодно взять его; будетъ выгодно и оставить его за собою. („Ce qui est bon à prendre, est bon à garder“¹⁾). И въ Европѣ извѣстіе о взятіи Очакова произвело глубокое впечатлѣніе. Императоръ Іосифъ съ радостію поздравилъ Екатерину съ этимъ пріобрѣтеніемъ²⁾; за то въ Версалѣ не совсѣмъ были довольны³⁾. Въ Берлинѣ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ II, не смотря на все недоброжелательство къ Россіи, принужденъ былъ въ письмахъ къ барону Келлеру въ Петербургъ, назвать эту побѣду „grande nouvelle“, и это выраженіе особенно понравилось императрицѣ⁴⁾. Вездѣ понимали, что съ пріобрѣтеніемъ Очакова уменьшилось, такъ сказать, разстояніе между Россіей и Константинополемъ. Въ Вѣнѣ говорили: „Русскій флотъ изъ Очакова въ два дня можетъ пріѣхать къ Дарданелламъ“⁵⁾; изъ Гаги писали 6-го января 1789 года: „Какое страшное произведетъ новость сія въ Константинополѣ безпокойствіе“⁶⁾. Іосифъ II сказалъ русскому посланнику въ Вѣнѣ: „Сія побѣда восстановила мое здоровье совершенно“. Въ Вѣнѣ былъ молебень, при которомъ присутствовалъ самъ императоръ. Вечеромъ во дворцѣ Іосифа былъ выставленъ портретъ Екатерины съ надписью, сочиненною имъ самимъ: „Felici Amicae Josephus Secundus in Olbiae expugnatae metoiam“⁷⁾.

Въ Константинополѣ не ожидали взятія Очакова. Около того времени, когда рѣшилась судьба этой крѣпости, тамъ сочиняли планъ кампаніи 1789 года, въ которомъ между прочимъ было сказано, что нужно исправить флотъ, не давать русскимъ кораблямъ выступить изъ Севастополя, идти подъ Очаковъ, сдѣлать приступъ на русскія батареи, атаковать Кинбурнъ и *раздѣлить силы. Русскихъ — чтобы имѣть удачу въ снятіи осады Очакова.* Этотъ планъ былъ составленъ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ Шуазель-

¹⁾ Зап. Храновицкаю 5-го января 1789 г.

²⁾ *Arnetz*, Joseph II und Katharina von Russland. Wien 1869, стр. 325. Зап. Храновицкаю, 9-го января 1789 г.

³⁾ *Segur*, Mémoires III, 447.

⁴⁾ Зап. Храновицкаю, 4-го января 1789 г.

⁵⁾ С.-Петербург. Видом., 1789 г., стр. 100.

⁶⁾ С.-Петербург. Видом. 1789 г., 102.

⁷⁾ С.-Петербург. Видом. 1789 г., стр. 116. Древняя Ольвія находилась въ тридцати или сорока верстахъ отъ Очакова. Однако, не разъ Очаковъ сближался съ Ольвіей, какъ напримѣръ, это дѣлаетъ Бронновскій, см. статью Ф. Бруна «Крымскій полуостровъ около половины XVIII столѣтія», въ *Новороссійскомъ Календарѣ* на 1869 годъ.

Гуфье, который, предлагая различныя мѣры, замѣчаетъ: „Такъ вы обезпечите навсегда Портъ Очаковъ, который весьма важенъ для ея интересовъ, а для Русскихъ послужить великою потерей и стыдомъ. Вся Европа насмѣхаться надъ ними будетъ. Вамъ нужно благодарить нашего инженера Лафита, сдѣлавшаго шесть подкоповъ, боясь конхъ, непріятель не отважится сдѣлать штурмъ“¹⁾. Разказывали, что и капуданъ - наша, возвратившись въ Константинополь, увѣрялъ султана, что Очаковъ не такъ легко можетъ быть взятъ Русскими; но ужъ извѣстіе о занятіи острова Березани сильно встревожило Турокъ. Были приняты мѣры для предупрежденія мятежа въ случаѣ паденія Очакова. Первая вѣсть объ этой катастрофѣ была сообщена экипажемъ судна, отправленнаго Аккерманскимъ пашею въ Константинополь, и вслѣдствіе бури, принужденнаго пристать къ берегу Босфора. Чернь волновалась и зажгла домъ великаго визири²⁾. Булгаковъ писалъ къ Потемкину ^{27-го февраля} ^{10-го марта} 1789 года изъ Семибашеннаго замка: „Взятіе Очакова привело здѣсь не только Турковъ вообще, но и извѣстныхъ нашихъ враговъ и завистниковъ, въ крайнюю робость. Султанъ, совѣтъ, большія борюды плачутъ, всѣ желаютъ мира и пр.“³⁾.

Туркамъ нужно было свыкнуться съ мыслью, что не только нельзя требовать отъ Россіи возвращенія Крымскаго полуострова, но слѣдуетъ приготовиться и къ новымъ жертвамъ. Предстояла осада и взятіе Аккермана, Бендеръ, Бѣлграда, Измаила. Славянскіе народы и Греки помышляли о свободѣ⁴⁾.

А. Врикнеръ.

¹⁾ См. письмо Булгакова къ Потемкину изъ Семибашеннаго замка отъ ^{21-го января} ^{1-го февраля} 1789 г. въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 г., ст. 1577 и слѣд.

²⁾ *С.-Петербург. Вѣдом.* 1789 г., стр. 98, 180, 212, 305, 349.

³⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1587.

⁴⁾ Съ какинъ вниманіемъ южные Славяне слѣдили за подвигами русскихъ войскъ, видно изъ разныхъ пѣсень, найденныхъ въ Дубровникѣ и восхваляющихъ Орлова, Румянцова и Потемкина. Онѣ изданы В. И. Григоровичемъ въ приложеніи къ его статьѣ: «Значеніе взаимности славянской въ русскомъ спорѣ о старинѣ и преобразованіяхъ», въ V томѣ *Записокъ Новороссійскаго университета*.